

ВЕРНЫЙ ДРУГ

СКАЗКИ ЭВЕНКОВ

Записал и перевел
И. И. СУВОРОВ

Редакция и вступительная статья
М. А. СЕРГЕЕВА

Обложка и титул
Э. И. СИМАКОВА и В. П. МИНКО

Рисунки
Э. И. СИМАКОВА, Н. В. БЕЛОВА,
Е. А. АВРУТИСА, А. Г. СТЕМПАРЖЕЦКОГО

ВЕРНЫЙ ДРУГ
Сказки эвенков

Редактор Н. В. Малюкова. Художественный редактор А. Н. Тобух.
Технический редактор В. М. Лисица. Корректор Н. Ф. Джигирис.

Сдано в набор 30 декабря 1956 г. Подписано к печати 26 февраля 1957 г. Формат
70×92/16 = 2,62 бум. л. — 6,14 печ. л. 6,26 изд. л. Тираж 75000. МН 01641.

Новосибирское книжное издательство, Красный проспект, 18. Заказ № 141.
Типография № 1 Полиграфиздата, Новосибирск, Красный проспект, 20.
Цена 3 руб. 40 коп.

ЭВЕНКИ И ИХ СКАЗКИ

В необъятной сибирской тайге от Оби до Тихого океана живет небольшая северный народ — эвенки.

В прошлом главным источником существования эвенков была охота. В поисках зверя они кочевали с оленями по тайге. Чтобы успешно бороться с суровой природой, нужно хорошо ее знать. И эвенки замечательно ориентируются в девственном, непроходимом лесу, заранее определяют время замерзания рек, наступление снегопада, перемену ветра...

Превосходно знают эвенки животных тайги. С детства они учатся сложному мастерству находить и добывать зверя.

В тайге эвенки получали все необходимое для жизни. Шкуры лося и оленя шли на устройство жилища — чума, он просто и скоро сооружался, обтекаемая конусообразная форма защищала его от ветра, а меховые стенки от холода. Из шкуры лося делали и одежду и обувь. Из древесины мастерили лук и стрелы, различные самоловы для охоты и рыбной ловли, легкие подвижные лыжи, седла и челноки.

В результате векового трудового опыта у народа от поколения к поколению накопились знания.

Но мужественный, талантливый народ жестоко бедствовал от тяжелой эксплуатации пришлых хищных купцов и богачей соплеменников.

Ни письменности на родном языке, ни национальной школы у эвенков не было.

Люди не могли понять многих явлений природы, причин постигавших их несчастий. Грозные силы природы, бессилие и страх перед ними рождали ложные религиозные объяснения. Весь мир представлялся эвенкам населенным множеством добрых и злых духов. Добрые помогали людям, злые приносили вред: отгоняли зверя, губили оленей, причиняли человеку болезнь и смерть. Посредником людей и духов считался шаман. Ему приписывали сверхъестественную силу, у него искали защиты.

Обирая своих сородичей, защищая богачей, шаман тоже эксплуатировал народ.

Веками забытые в тайге охотники после Великой Октябрьской революции стали равноправными сынами нашей страны. Недаром эвенки называют новый порядок жизни «Законом счастья», а самих себя — «вторично рожденными».

Богатеют эвенкийские колхозы. В новых колхозных поселках горит электричество, говорит радио. Есть свои национальные учителя, врачи, писатели и художники.

*
**

Высоко развито у эвенков народное искусство. Вышивками и резьбой украшали мастера орудия промысла, домашнюю одежду и обувь.

Сказки и народные песни были любимым отдыхом и развлечением. Их пели и сказывали после трудового дня, в ненастье, около охотничьего костра.

И сейчас эвенки по-прежнему любят свой фольклор. Бережно храня старые сказки, предания и песни, они создают новые устные произведения о чудесных переменах в судьбе обездоленных в прошлом охотников.

В сказки ворвалась новая радостная жизнь со всеми ее невиданными раньше явлениями: школами и больницами, самолетами и автомобилями, довольством и благополучием народа. Все это принесла новая власть, предстающая в сказках в образе животворного солнца. Такие же мотивы звучат и в новых песнях эвенков:

Над тайгой стальные птицы
Пролетают вперегонку,
По реке бегут без весел
Лодки с хитрыми винтами.
В лодках люди приезжают
И беседуют, как братья.
Это все пришло с Советом,
Это с солнцем нам досталось.

*
**

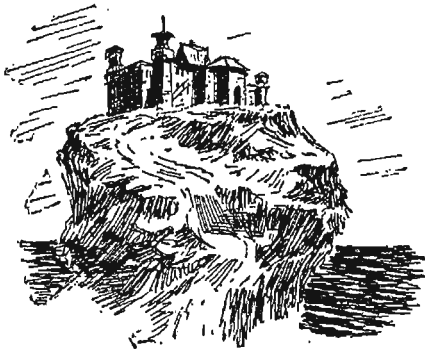
Сказки этого сборника записал Иван Иванович Суворов, работающий больше двадцати лет на Подкаменной Тунгуске (Эвенкийский национальный округ). Сын красногвардейца, шахтера Донецкого бассейна, после окончания педагогического техникума Иван Иванович был учителем первой эвенкийской кочевой школы на Стрелке-Чуны.

Настоящие, публикуемые впервые, сказки записаны И. И. Суворовым в колхозах «Красный луч», «Северная искра», «Красная звезда» и на факториях Муторай, Чемдалск, Стрелка от эвенков О. Анкоуль, И. Горбуль, А. Доонова, Д. и Н. Кочени и многих других.

М. А. Сергеев.

СКАЗКИ О ЧУДЕСНОМ

АЯЛИК

Ехал эвенк домой от купца. Пушнину отвозил. Вот и река родная. За тем мысом, на горе, его чум стоит. Захотелось ему пить. Остановил оленей, прорубь во льду сделал. Лег на лед и стал пить. Бороду в воду окунул. Напился. Хотел подняться, да не тут-то было. Кто-то в воде за бороду схватил, держит. Взмолился охотник. Просит отпустить, да где там... Еще крепче в бороду вцепился. Догадался — это водяной, недавно девушку с дальнего стойбища утащивший. Еще пуще стал упрямиться:

— Отпусти! Отдам все, что у купца выменял!

Не отпускает. В воду тянет.

— Отпусти! Оленей последних отдам!

Тот молчит. Вспомнил эвенк про жену, которая должна скоро родить. На последнее решился:

— Отпусти... У меня жена сына родит. Отдам его тебе...

Как это сказал — водяной отпустил.

Приехал охотник домой. А жена уже родила. Родился сын, самый красивый на свете мальчик. Имя Гудей ему дали. Рос он не по дням, а по часам. На второй день стал бегать. Через неделю был с отца ростом.

Жалко отцу мальчика водяному отдавать. Потужили, порядили, да что поделаешь? Снарядили его в путь-дорогу. Сковал ему отец железный посох и сказал:

— Пойдешь, сынок, по берегу реки до тех пор, пока посох о камни не изотрется и река не кончится. Там тропа будет. Пойдешь по той тропе. Дальше сам дорогу узнаешь...

Простился Гудей с родными, ушел. Шел он день, много дней. Шел год, много годов. Вот и посох истерся. И река кончилась. Дальше по тропе пошел. Привела тропа в дремучий лес. Такой темный, что неба не видать. Потом лес поредел. Видит, впереди озеро большое блестит. Берега высокие. Травой зеленой заросли. Тут тропа кончилась. Думает, горюет — куда идти? Вдруг над озером три белых, как снег, лебедя взвились. Спрятался Гудей в траву — смотрит. Опустились лебеди на берег. Скинули с себя лебединый наряд и девушками сделались. Стали в озере купаться. Одна из них красивее всех была. До того красива, что парень не мог глаз от нее

оторвать. Преметил одежду ее, подкрался, спрятал в кустах, а сам ждет, когда девушки выкупаются. Искупались они, одеваться стали. Две оделись, улетели, а красавица все ищет. Бегаёт, мечется по берегу, ничего поделатъ не может. Догадалась, наверное. В кусты кричит:

— Если дедушка спрятал — стыдно старому шутить...

Прислушалась. Никто не отвечает.

— Если бабушка спрятала — отдай! Дочерью твоей буду!

Никто тоже не отвечает.

— Если парень — выйду замуж за него...

Как это она сказала, Гудей из кустов выскочил, одежду ей отдал.

Обрадовалась девушка, да и парень понравился. Руку ему дала.

Оделась и лететь собралась. Он и спрашивает:

— А как же я?

— Вот клубочек ниток,— отвечает.— Возьми конец нитки в руки и держи. А клубок у меня будет. Я полечу, нитки разматываться будут. Ты по той нитке иди. Долго будешь идти. Выйдешь на поляну, где три чума стоят. Около одного на дереве висят платья белые. Туда не ходи. Там ведьма с дочерьми живет. Около другого — черные. Туда тоже не ходи. Там хозяин мой живет — водяной, муж ведьмин. Около третьего — красные платья. Туда иди. Это мой чум. Подойдешь ко входу, скажи три раза: «Аялик, открой!» Вход откроется. Ты и заходи.

Сказала это, взвилась над озером и улетела.

Идет Гудей по нитке день, другой, на третий вышел на большую поляну. Видит — три чума стоят. Возле одного висят белые платья — значит, не туда. Возле другого — черные. Также не туда. Возле самого дальнего — красные. Надо в этот чум идти. Вспомнил, что сказать нужно. Подошел к чуму, повторил три раза: «Аялик, открой!» Вход открылся. Он в чум вошел. Сидит Аялик на шкуре. Пот с лица льет. Сохатинные кожи для хозяина водяного разминает. Работу в сторону отложила. Обрадовалась. Чай вскипятила. Про горькую долю свою рассказала. Узнал Гудей, что она та девушка, которую водяной с дальнего стойбища утащил. С тех пор здесь живет. День и ночь водяной работать заставляет. Только по праздникам гулять отпускает. Тоскует, не знает, как отсюда уйти. Потом она сказала:

— Водяной скоро учует тебя. Велит к нему придти. Ты ступай, не бойся. Если что заставит тебя делать — не отказывайся. Берись. А как и что делать — я тебя научу.

Не успела она это сказать, как прибежали ведьмины дочери. Зовут его в чум к водяному.

Пришел к нему Гудей. Тот сидит на кумалане, как уголь черный. Руки у него длинные, на пальцах вместо ногтей когти птичьи. Одна нога длинная, другая короткая, на пальцах когти бурундучьи. Весь шерстью оброс. Говорит громко, даже за горой дальней слышно:

— Ты теперь мой работник! Слушай! Исполни! Не исполнишь — съем! К завтрашнему утру сделай так, чтобы у чума моего тысячи оленей бегали...

— Понял,— отвечает Гудей.

— Иди!

Пошел Гудей обратно. Горюет, думает. Что делать? Невозможное черт задал.

Аялик ему говорит:

— Это он тебя съесть хочет. Знает, что не сумеешь сделать. Но не горюй. Будут к утру олени.

Прошла ночь. Утро наступило. Вышла Аялик из чума с красным платком. Махнула им три раза. Глядит Гудей в лес, а из леса к чуму водяного тысячи оленей бегут. Колокольчиками звенят, хоркают... Земля стонет. Водяной из чума вышел. Злится. Как мог Гудей наказ его исполнить. Снова за ним посылает. Тот приходит.

Говорит водяной:

— Есть у меня самый дикий на свете олень. Никто еще не мог обучить его езде... Завтра, как встанет солнце, садись на него и учи. Не научишь — съем!

Пришел Гудей в чум. Голову опустил. Чуть не плачет. Аялик его успокаивает:

— Не горюй. Слушай: иди в кузницу, скуй железный молот. Когда сядешь на оленя, крепче держись, не падай! Когда олень побежит — бей его по лбу тем молотом. Он будет в воду прыгать — не падай, бей все по тому же месту. Через огонь побежит — не падай, все бей. Будет по скалам бежать. Там острые пики торчат из земли. Не бойся, бей. После увидишь, что с ним случится...

Успокоился Гудей. Лег спать. Вот и ночь прошла. Утро наступило. Ведьмины дочери оленя подвели. Кричат, чтоб садился. Олень жирный, высокий. Выше леса. Стоит, ногами перебирает. из рук рвется. Взял Гу-

дей молот. Сел на оленя и за узду крепко схватился. Молнией с места сорвался олень. Все быстрее бежит. Большие сосны, как былинки, перешагивает. Бьет Гудей его по лбу молотом. Видит, впереди море глубокое. Не успел моргнуть, как олень в воде скрылся. Крепче за узду Гудей держится, сильнее молотом по его лбу бьет. Вот и море промелькнуло. За морем — стена огня. Дым черный клубами к небу поднимается. Мчится прямо туда олень, а Гудей по тому же месту молотом ударяет. Прыгнул олень в огонь. Горячо Гудею стало. Рубашка загорелась. Все тело обожгло, но узды он не отпускает. Бьет сильнее оленя.

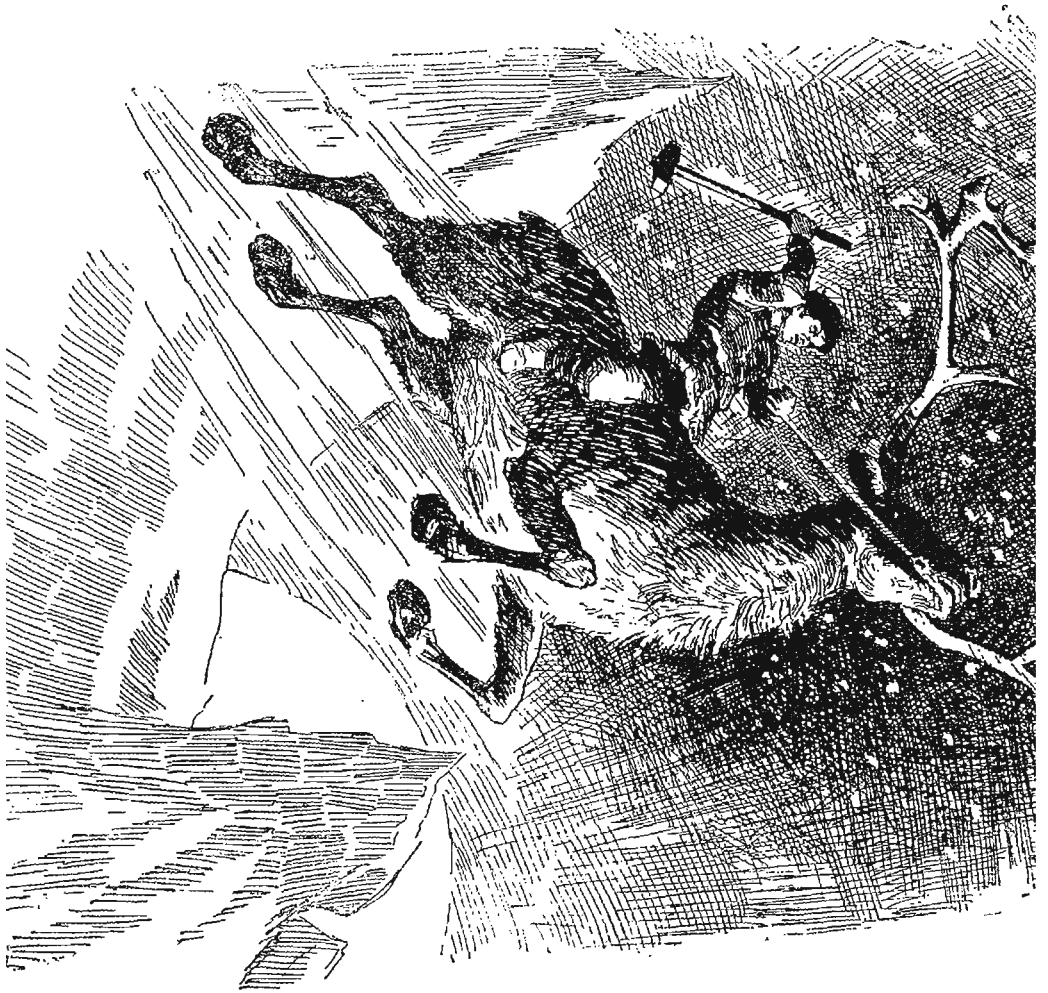
Огонь проскакали. Ожоги болеть перестали. Видит, впереди отвесные скалы до самых звезд стоят. Что лес, пики из гор торчат. А пики острые, на солнце блестят.

Прыгает олень со скалы на скалу и пик не задевает. Крепче держится Гудей, сильнее оленя бьет.

Смотрит — олень бег замедляет. Вот и скалы миновали. Ровное место пошло. Все тише бежит олень. Голову опустил, зашатался. Шагом пошел. Глядит Гудей — та же поляна, те же чумы стоят. Олень к чуму водяного подошел, упал, в землю головой уткнулся. Слез с него парень. Водяному пошел сказать. Вошел в чум, водяной лежит, голова платком повязана, в землю воткнулась. Говорит ему Гудей, он не отвечает. Пощупал, а тот уж холодный. Сдох, значит.

Гудей домой побежал, Аялик сказал. Обрадовалась та. Говорит:

— А теперь, пока ведьма не узнала, бежим отсюда!

Достала из турсука два наперстка. Один наперсток ему отдала, второй у себя оставила:

— Положи на землю наперсток рядом с собой, плюнь на него, и я плюну. Тогда твой наперсток станет на тебя похож, а мой — на меня. Когда плюнешь — скажи: «Сейчас придем». Тогда наперстки станут разговаривать так же, как мы, но только с восхода до захода солнца.

Сказано — сделано.

Плюнул Гудей на свой наперсток. Смотрит, вместо наперстка мужчина сидит, на него похожий. Сказал: «Сейчас придем». Также и Аялик сделала. Собрались, побежали. Немного отбегут, остановятся. Аялик ляжет, ухо к земле приложит, слушает: не бежит ли погоня ведьмина?

К обеду ведьма учуяла, что водяной сдох. Зубы оскалила. Обрадовалась. Теперь Аялик и Гудей ей достанутся. Посылает за ними дочерей. Приходят ведьмины дочери. Видят — сидят в чуме Аялик и Гудей.

— Идите! Мать вас зовет.

— Сейчас придем.

Ведьма ждет. Солнце с полудня свернуло. Опять посылает за ними. Те опять также отвечают. Вот уж солнце садиться стало. Снова шлет ведьма дочерей. Злится. Землю ногтями ковыряет. Дочери спрашивают:

— Почему не идете?

Те еле слышно отвечают:

— Сейчас придем...

Ведьмины дочери точно все передали, что и как те сказали.

Догадалась ведьма. Говорит дочерям:

— Оседлайте самых быстроногих оленей. Найдите следы и по ним скачите. Кого бы ни встретили — вяжите и тащите ко мне.

Оседлали ведьмины дочери двух самых быстроногих оленей, нашли следы и вскачь поехали.

Беглецы в это время за дальними горами были. Аялик ухо к земле приложила. Топот услышала. Говорит Гудею:

— Ведьма погоню послала. Вот... Уже близко скачет. Ты в медведя оборотись, я волком сделаюсь. Станем здесь, рычать громко будем...

Сказано — сделано.

Оборотился Гудей медведем, она волком. Стоят, рычат. Видят, едут ведьмины дочери на оленях. Еще громче зарычали. Испугались те, обратно повернули. А Гудей и Аялик дальше отправились.

Приехали ведьмины дочери обратно. Говорят матери:

— Никого не видали... Только волка и медведя.

— Ах вы, бестолковые! Я же вам сказала: вяжите и тащите ко мне всех, кого встретите. Поезжайте обратно!

Аялик снова топот слышит, говорит:

— Опять ведьма погоню послала. Ты оборотись муравьиной кочкой, а я лягушкой стану.

Сказано — сделано.

Оборотился Гудей кочкой, Аялик — лягушкой. Стоит возле дороги кочка, а на кочке лягушка сидит.

Едут ведьмины дочери. На кочку с лягушкой плюнули, мимо проехали. Потом обратно повернули.

Аялик и Гудей дальше побежали.

Говорят ведьме дочери:

— Никого не видели. Только кочку, а на кочке лягушка сидит.

— Да ведь это они и были. Эх, бестолковые дуры! Возвращайтесь обратно!!! Кого бы ни встретили — тащите ко мне!

Снова ведьмины дочери в погоню пустились.

Аялик топот слышит, говорит:

— Опять гонятся. Ты сделайся стариком-охотником, я лесной избушкой стану.

Сказано — сделано.

Оборотилась она избушкой, а он стариком-охотником.

Едут мимо ведьмины дочери. Увидели их, остановились. Старик на пороге избушки сидит, лук чинит. Спрашивают:

— Дедушка, не видал ли ты тут кочку с лягушкой или медведя с волком?

— Нет, детки, не видал... Кочек и лягушек тут много, а медведя с волком я еще в прошлом году добыл... А вы чьи же будете?

— Мы, дедушка, ведьмины дочери.

— Ах, вон чего!? Мать-то ваша, бедняжка, вдовой осталась. Жаль, жаль. ее...

Разжалобились ведьмины дочери. Головы опустили. Слушают деда. А тот говорит:

— Вот и вы, бедняжки, сиротинками остались... жалко вас...

А сам незаметно завернул в бересту кусок глины и продолжает:

— Вот... Возьмите матери посылочку повезите. Рябчика... Да поклон от меня передайте.

Обрадовались ведьмины дочери. Домой повернули. А Гудей и Аялик дальше отправились.

Приезжают ведьмины дочери, говорят:

— Мама, мама! Мы тебе от дедушки-охотника посылочку и поклон привезли!

Плюнула ведьма на них, села сама на оленя и в погоню пустилась.

Услышала Аялик топот. Говорит:

— Сама ведьма едет. Ты стань озером, я окунем сделаюсь.

Сказано — сделано.

Оборотился Гудей озером, она — окунем.

Едет ведьма. Озеро увидела. В щуку превратилась, в озеро нырнула. За окунем погналась. Окунь от нее убегает. Ведьма молнией за окунем носится, а он быстрее молнии уплывает. Долго гонялась, а поймать не

могла. Разозлилась. Быком сделалась. Воду из озера пить начала. Вместе с водой и окунь проглотила.

Окунь в животе плавает. Своими иголками брюхо быку протыкает. Проткнул. Вода вылилась, вместе с ней и окунь выплыл. Ведьма вскрикнула, сдохла.

А Гудей и Аялик дальше побежали. К вечеру домой пришли. Люди обрадовались. Отец с матерью тоже. Потом свадьбу отгуляли. Я на той свадьбе был, оленьё молоко пил.

КАК ЗМЕЙ ПОБЕДИЛИ

Жили три сестры-девушки и брат их Гончауль. Родителей у них не было, в батраках у князя они умерли.

Сестры самые красивые в том месте были, а Гончауль — самым сильным парнем.

После смерти отца Гончауль хозяином чума стал. Но хозяйничать было нечем: ни оленей, ни сетей, только сестры-невесты...

Многие парни в чум заглядывали, сватались. Но Гончауль не соглашался. Однажды над чумом трехглавый змей взвился. Черными крыльями машет. Ветер поднялся, от того ветра сосны в обхват гнутся. Покружился, сел. Громовым голосом Гончауля позвал:

— Выйди, хозяин, ко мне!!!

Вышел Гончауль. Спрашивает:

— Что нужно тебе, змей трехглавый?

— Отдай старшую сестру замуж за меня!

— Нет, змей трехглавый, не отдам сестру.

— Ну, так я украду её!!!

Сказал это, взвился. За горами скрылся.

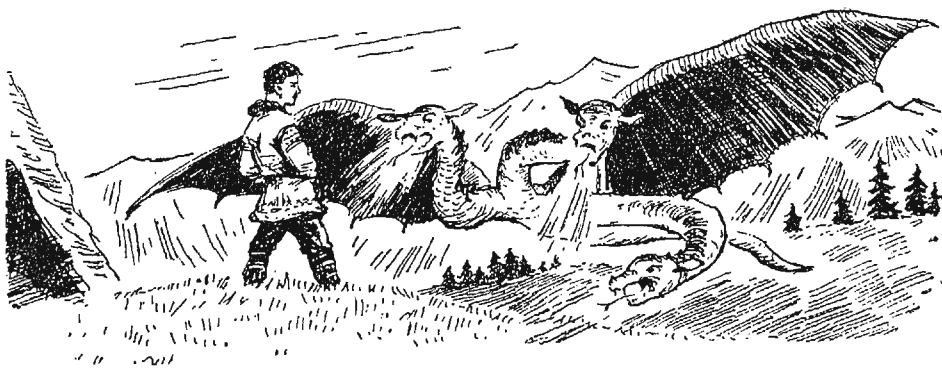
Шесть дней и шесть ночей не спал Гончауль — все сестер охранял. На седьмую ночь заснул.

Когда проснулся, старшей сестры уже не было. Плакали сестры, горевал брат, но горю этим не поможешь.

А тут опять горе пришло. Через три дня над чумом двуглавый змей взлетел. От крыльев его сосенки молодые гнутся. Покружился, сел. Громким голосом Гончауля зовет:

— Выйди, хозяин, ко мне!!

Вышел Гончауль. Спрашивает змея:

- Что нужно тебе, змей двуглавый?
 - Отдай среднюю сестру замуж за меня!!
 - Нет, змей двуглавый, не отдам я сестру.
 - Ну, так я украду ее, как украл мой брат твою старшую!!
- Сказал, взвился. За лесом скрылся.

Четыре дня и четыре ночи не спал Гончауль — сестер охранял. На пятое утро заснул. Проснулся, а средней уже нет. Рыдала младшая сестра, охал брат, но только горю этим не поможешь. А тут опять несчастье пришло.

Через день над чумом змей одноглавый пролетел. От взмахов крыльев трава к земле приклонилась. Покружился и сел. Зычным голосом Гончауля зовет:

- Выйди, хозяин, ко мне!
- Вышел Гончауль. Спрашивает:
- Что нужно тебе, змей одноглавый?
 - Отдай младшую сестру замуж за меня!
 - Твои братья разорили меня. А ты последнюю сестру хочешь взять.

Не отдам!

- Ну, так я украду ее!
- Сказал, взвился. За болотом скрылся.

Два дня и две ночи не спал Гончауль — сестру охранял, а на третий заснул. Проснулся, а младшей сестры уже не было. Сел на пень и горько заплакал. Разорили вконец, змеи проклятые! Думает, гадает — как жить дальше? Что делать? Как найти сестер, выручить? Вдруг голос откуда-то сверху раздался:

- Мы научим тебя!

Кто бы это был? Смотрит в высь поднебесную. Видит — два орла над ним летают. Один старше, другой помоложе. Сели на дерево и человеческим голосом заговорили. Старший начал:

- Чего плачешь, браток?

— Как мне не плакать? Были у меня три сестры, но и тех змеи утащили. Куда мне пойти? Что делать? Как их вернуть?

— Мы тебя научим. Слушай нас. Далеко-далеко у моря стоит гора высокая. Такая высокая, что на нее редко кто забирается. На той горе стоит чум золотой. А в том чуме живет всех змеев змей по имени Шестиглавый. Многие пытались оторвать ему головы, да не могли. Оттого и все наши с тобой беды. До тех пор будем бедовать, пока эти змеи на свете живут. Рядом с тем золотым чумом стоит второй, берестяной. Его тысячи змей и сам Шестиглавый охраняют. Они стерегут самую красивую на свете девушку по имени Олангмук. Кто до той девушки дойдет, тот секрет победы над Шестиглавым узнает, и тогда народ тайги счастливо заживет. Иди туда. И сестры твои снова с тобой будут.

— Только горсть родной земли с собою возьми, — сказал орел помоложе. — Она тебе поможет. Посыпь землю змеям глаза. А когда дойдешь — помни всегда о нас.

— Мы тебе поможем, — добавил орел постарше.

Сказали это орлы, взвились в небо и скрылись в облаках.

Гончаулю легче стало. Глубоко в душу запали ему эти слова орлов. Долго думал и поклялся дойти до Олангмук.

Однажды он отправился в дальний путь. Шел день, шел месяц, целый год, а на второй увидел вдаль много высоких гор и между ними одну всех выше. На горе той виднелся чум золотой. На солнце блестел. Кругом змеи летали. Только на первую гору поднялся — стоит дом белокаменный. Дай, думает, зайду. Отдохну и путь расспрошу. Дверь открыл, а на пороге сестра старшая стоит, в руках скребок держит. Видно, кожу делает. Увидела, ахнула. Скребок уронила. Горько заплакала:

— Милый брат, откуда ты взялся?! Как меня нашел? Ой, тяжко в неволе! Змей трехглавый день и ночь заставляет работать. Возьми отсюда меня!

— Скоро, скоро возьму! — отвечает брат. — Расскажи, как к чуму золотому пройти?

— Ой, что ты, брат?! Да туда еще никто не доходил. И тебе не дойти...

— Нет, я дойду! — говорит брат.

Ну, что ж, делать нечего. Видит — брат твердо решил, рассказала про дорогу:

— Иди по той дороге только ночью, когда змеи спят. Дойдешь до дома деревянного. Кто там живет — не знаю. А дальше как идти — там спросишь...

— Ой, ой, брат! Скоро трехглавый прилетит. Съест тебя. Лезь в сундук. Я тебя на замок закрою. Залез Гончауль в сундук, сестра его на замок закрыла. Скоро и змей прилетел:

— Фу, фу... Чужим духом пахнет!!!

— Да что ты, змей трехглавый?! Может, это от меня? Я-то чужая!

Поверил змей, мяса пожрал и к вечеру опять куда-то улетел. Выпустила сестра брата из сундука. Простились. Гончауль дальше пошел. Идет по той, никому не известной, дорожке. Крутая, по сторонам колюч-

ки растут. Идет, идет — сорвется и за колючки руками хватается. Всю одежду изорвал, руки в кровь изрезал.

На пятый день деревянную избушку на горе увидал. Дай, думает, зайду. Отдохну и дорогу расспрошу. Только дверь открыл, а на пороге сестра средняя стоит, иглу и камус в руках держит. Видно, унты шьет. Увидела, ахнула. Из рук иглу и унт уронила. Горько заплакала:

— Брат родной! Откуда взялся? Как меня нашел? Ой, тяжело в неволе! Змей двуглавый день и ночь заставляет работать. Возьми меня отсюда!

— Скоро, скоро возьму! — отвечает брат. — Расскажи, как пройти мне к золотому чуму.

— Ой, ой! Что ты брат?! Да туда еще никто не доходил. И тебе не дойти...

— Нет, я дойду! — сказал брат.

Ну, что же, делать нечего. Видит — брат твердо решил, рассказала про дорогу:

— Иди по той дорожке только ночью, когда змеи спят. Дойдешь до чума серебряного. Кто там живет — я не знаю. Там и спросишь, как дальше идти.

— Ой, ой, брат! Скоро двуглавый прилетит. Съест тебя. Лезь в сундук. Я тебя на замок закрою.

Залез Гончауль в сундук, сестра на замок его закрыла. Скоро и змей прилетел:

— Фу, фу! Чужим духом пахнет!

— Да что ты, змей двуглавый?! Может, это от меня? Я ведь чужая! Поверил змей, пожрал, к вечеру опять куда-то улетел.

Выпустила сестра брата из сундука. Простилась.

Гончауль дальше пошел. Идет по никому не известной дорожке, а она еще круче. По сторонам острые иглы из земли торчат. Идет, идет — сорвется, за иглы руками ухватится. Все тело в кровь исколол. На седьмой день увидел на горе серебряный чум. Дай, думает, зайду. Отдохну и дорогу дальше расспрошу. В чум только заходит, а на пороге сестра младшая стоит. Поварежку в руке держит. Видно, мясо варила. Увидела, ахнула. Из рук поварежку выронила. Горько заплакала.

— Брат, родной! Откуда взялся? Как нашел? Ой, тяжело в неволе! Змей одноглавый день и ночь заставляет работать. Возьми меня отсюда...

— Скоро, скоро, сестра! — отвечает брат.

— Расскажи мне, как пройти к чуму золотому?

— Ой! Что ты, брат?! Да к тому чуму еще никто не доходил. И тебе не дойти...— Видит — брат твердо решил, рассказала дорогу:

— Иди по той дорожке только ночью, когда змеи спят. Дойдешь до золотого чума, там самого Шестиглавого бойся. Ой, ой, брат! Скоро одногоглавый прилетит. Съест тебя. Лезь в сундук. Я тебя на замок закрою.

Залез Гончауль в сундук, сестра его на замок закрыла. Вскорости и змей прилетел:

— Фу, фу! Чужим духом пахнет!

— Да что ты, змей одноглавый? Может, это от меня... Я-то чужая!

Поверил змей, пожрал и к вечеру опять куда-то улетел.

Выпустила сестра брата из сундука. Простилась. Гончауль дальше пошел. Идет по той, мало кому известной, дорожке, а она еще круче. По сторонам огненные прутья из земли торчат. Идет, идет — сорвется. За прутья ухватится. Все руки сжег. На двенадцатую ночь на горе чум золотой увидел. В темноте от него далеко светится. Рядом чум берестяной стоит. Вокруг змеи спят. К чуму берестяному подошел. Только хотел войти, как откуда-то Шестиглавый змей взвился. Крылом ударил. Голову Гончаулю рассек. Замертво он упал. Вскочили змеи. Шум подняли. На части Гончауля разорвали и в ущелье сбросили.

Лежит Гончауль. Вороны его клюют. Вот уже одни кости белые остались. А в ту пору далеко за горами те два орла между собой разговор вели:

— Где наш Гончауль? Что он долго не возвращается?

— Надо туда слетать и узнать, — молвит второй.

Взвились, полетели. Высоко-высоко в небе вьются они над теми горами. Увидели кости. Догадались. Спустились в ущелье, собрали кости и за синее море унесли. Сложили кости, как им надо быть. Принесли в клювах живой воды. Брызнули на кости. Они мясом обросли. Дунул орел постарше в лицо Гончаулю. Тот потянулся, на ноги вскочил:

— Ух, как долго я спал!

— Спал бы ты вечно, если бы не мы! — сказал орел постарше.

— Почему землю не сыпал змею в глаза? — спросил орел помоложе.

— Простите меня... Позабыл!

— Так вот: никогда не забывай наших слов. Это тебе наука! Возьми еще горсть земли...

— А еще возьми, — говорит орел постарше, — вот эту золотую корбочку. Откроешь первую крышку — столы с разными кушаньями появятся. Откроешь вторую — музыка заиграет, и народ запляшет. Ну, счастливого пути, милый!

Распрощались орлы с Гончаулем и за синее море улетели. А Гончауль снова к золотому чуму пошел. Старой дорогой дошел. Как только он у золотого чума показался — змеи окружили его. Самого Шестиглавого дома не было. Вот-вот схватят, но он им землю в глаза по крупинке бросал. Бросит, они отскочат, упадут на гору, сдохнут. Одни налетают, другие подышают. Бросал, бросал, земля вся вышла. А змей еще тьма-тьму-

щая. Схватили Гончауля, потащили. В пещеру посадили. Пятипудовым замком закрыли. Смотрит Гончауль. Сидят в подземелье люди. Кто уже помер, кто с голоду умирает. Открыл он первую крышку той золотой коробочки. Двенадцать столов появилось, а на столах разные кушанья лежат. Крикнул:

— Ешьте, добрые люди, кто в живых остался!

Наелись люди, сразу повеселели. Открыл Гончауль крышку золотой коробочки. Тут музыка заиграла, люди заплясали. Олангмук ту музыку слышала. Захотела посмотреть. К подземелью пришла. Отомкнули змея пятипудовый замок. Олангмук смотрит. Удивляется.

Закрыл Гончауль коробочку. Тотчас все стихло. Коробочка подземелье осветила. Заметила Олангмук коробочку. Велела Гончауля к ней в чум отпустить. Змея отпустили. Пришел Гончауль. Олангмук ему руку пожалала, накормила, напоила, спать уложила. А когда он проснулся, рассказала ему, где смерть Шестиглавого запрягана:

— Здесь в горах есть озеро большое. К нему тропа протоптана. По той тропе громадный бык ходит. Если того быка убьешь — в животе у него живую собаку найдешь, а у собаки заяц прыгает. У зайца — утка-селезень бьется. Убьешь утку — у нее в животе два яйца лежат. Разобьешь те яйца, в каждом паут живой летает. Не отпускай тех паутов — это смерть всех змей.

Гончауль поблагодарил, стал в путь собираться. Ружье, патроны приготовил. Олангмук ему красный платочек дала, сказала:

— Когда будешь в чумы заходить, платочком маши. Ни один змей на тебя не бросится.

Простились. Ушел Гончауль. Идет той тропой к озеру. Вдруг из кустов лиса высочила. Сдернул Гончауль ружье с плеча и в лису направил. А лиса человеческим голосом говорит:

— Не убивай меня, друг! Я тебе еще пригожусь.

Не стал убивать ее Гончауль. Дальше пошел.

Скоро ли, долго ли шел, только видит стервятник впереди на березе сидит. Громко орет, даже уши ломит. Хотел его убить, а он человеческим голосом сказал:

— Не убивай меня. Я тебе еще пригожусь..

Опустил ружье Гончауль. Дальше пошел. Долго шел. На озеро вышел. В воде щуку увидел. Щука запуталась в кустах, бьется, освободиться не может. Голосом человеческим кричит:

— Распутай, молодец! Отплачу за это тебе..

Дивится Гончауль. Распутал щуку. Отпустил ее в озеро. Отошел в кусты, притаился — того быка ждет. Солнце уже за горы садится. Вдруг слышит: земля задрожала. Видит — из леса рыжий бык прямо к воде бежит. Гончауль прицелился, выстрелил. Упал бык. Гончауль живот у него разрезал. Не успел нож в ножны сунуть, как оттуда собака высочила, побежала. Выстрелил ей в догонку. Она мертвой упала. Не успел живот собаке совсем разрезать, как оттуда заяц высочил. В кустах

скрылся. Сел Гончауль на камень, голову с горя опустил — пропало все дело. Вдруг лиса из чащи выскочила:

- О чем, милый, горюешь?
- Как не горевать, заяц убежал...
- Я его сейчас поймаю!

Скоро ли, долго ли он ждал, только лиса того зайца поймала и Гончаулю принесла. Разрезал живот зайцу, а оттуда утка-селезень вспорхнула. Взвилась и скрылась в облаках. Сел опять Гончауль на камень и горько заплакал. Теперь-то все дело пропало. Слышит — стервятник с дерева говорит:

- Не плачь, молодец! Сейчас я ее поймаю!

Скоро ли, долго ли летал стервятник, а только ту утку Гончаулю принес.

Разрезал Гончауль утку, а оттуда два яйца выкатились. Обрадовался: «Яйца-то никуда теперь не убегут и не улетят. Ой, как будет рада Олангмук! Умоюсь в озере и домой пойду...»

Положил яйца на бережок. Умываться стал, а яйца-то в озеро покатались. На дно нырнули. Только подумал о горе, шука нос из воды показала. Одно яйцо у нее во рту, другое на носу лежит. Обрадовался Гончауль, яйца схватил. В карман положил. К Олангмук побежал. Видит, змеи его встречают. Схватить норвят. Он платочком машет. Змеи в стороны отлетают. До самого чума гнались. В чуме те яйца Олангмук отдал. Разбила она яйца. Оттуда два паута вылетели. За крылья Олангмук их схватила. Пауты жужжат, говорят:

— Ой! Смерть подходит! Отпустите!!!

— Бей их!!! — кричит Олангмук.

Раздавил Гончауль паутов. Ногой растер.

— Вот мы и свободны! — говорит Олангмук.

Из чума они вышли. Видят: возле чума золотого змей Шестиглавый мертвый валяется, а кругом остальные змеи, тоже дõхлые.

К чуму сестры Гончауля пошли. Идут, улыбаются. Смотрят в небо, а там два орла летают. На землю сели. Говорит им Гончауль:

— Спасибо Вам, дорогие! Счастье нам дали!!!

По тому случаю они большой праздник устроили. С тех пор хорошо эвенки живут.

ЛЕШИЙ

Две сестры по ягоды пошли. Ребенка в чуме оставили. Спал он. Леший это заметил. Пришел в чум, ребенка проглотил, лег сам в зыбку и заплакал.

Услыхали женщины. Домой пришли. Догадались — не тот это крик. Не растерялись. Мать начала смолу на костре кипятить, тетка зыбку качает. Уговаривает ребенка не плакать. Мать смолу сварила и кричит:

— Ребенка неси! Покормлю его грудью.

Тетка зыбку выносит, подает ее матери через котел со смолой. Будто нечаянно, в горячую смолу зыбку роняет. Леший прилип к смоле. Крик поднял. Из котла рвется. Ноги болтаются.

Сестры гребень и скребок в чуме взяли. Прочь побежали. Леший от смолы оторваться не мог, сорвал котел с таганка да так с ним пугился за женщинами. Вот-вот нагонит. Топают. Дужкой котла гремит. Сестры слышат — погоня близка. Бросили назад гребень. Сзади чаща лесная

стала. Леший в чащу забежал. Падает, котлом за ветки задевает, но бежит. Слышат — котел упал, леший быстрее побежал.

Женщины обернулись. Скребок бросили. Горы встали, на скребок похожие. Леший в горы забежал. На горы карабкается, опять падает, а вперед все подается.

Женщины на реку выбежали. Там на берегу старуху увидели. Говорят ей:

— Бабушка, перевези нас на ту сторону!

— А вы так скажите: «Бабушка, у тебя глаза, что черемуха сухая, а спина, что скребок горбатый!»

Сестры тут догадались и сказали:

— «Бабушка, у тебя глаза, что черемуха спелая, а спина, что плот ровный». Сразу на реке плот от берега до берега протянулся. Они по нему перебежали. Плот исчез.

А леший через горы пробрался и к той старухе прибежал. Просит на ту сторону перевезти, та отвечает:

— А ты так скажи: «Бабушка, у тебя глаза, что черемуха сухая, а спина, что скребок горбатый», — тогда перевезу.

Леший не подумал, старухины слова повторил.

Сразу через реку скребок с зубьями перекинулся. Он по скребку полз. Все спотыкался. А когда на середину дополз — зацепился. В воду упал. А плавать не умел. Долго ходил под водой. Запутался. Берег не нашел. Запел с горя песню:

{ Зубы мои! Сделайтесь, как кремни!
Кровь, как глина красная!
Кости, как камни подводные!

Сразу зубы сделались кремнями, кровь — глиной красной, кости — камнями подводными.

С тех пор и лешего нет. Только следы остались. Когда по реке в берестянке плывут и на те камни попадают, говорят:

— Вот леший, берестянку чуть не сломал!

МОНГНОН И МАНГИ

Жили-были два брата. Старший, Амель, умным был, а младший, Ивуль, монгноном — дураком прозывался. Много хлопот терпел с ним Амель. Не знал, как со света его сжить.

Ивуль никогда досыта не наедался. Целого оленя зараз съедал. На неделю наедался и в чуме лежал. Станет брат Ивуля ругать, тот лишь помалкивает. И решил Амель отвезти его на оленях в темный лес, откуда обратно дороги не найти. Послал Ивуля оленей искать. А тот оленей не

нашел. Сохатого увидел. Ловить стал. Долго бе-гал. На болото загнал. За рога поймал. Держит.

У него силы немного меньше, чем у сохатого было. Тащит за рога к чуму, а тот упирается. Ивуль плачет. Из сил выходит. Наломал тальниковых прутьев. Ноги у сохатого связал и домой пошел. Приходит, говорит брату:

— Только твоего учага поймал. Хотел привести, он не идет. На болоте остался...

Пошел Авель с ним на болото. Смотрит — сохатый со связанными ногами лежит. Из лука сохатого убил. Обдирать стал, а Ивуля к речке Чина послал чум ставить.

Ивуль вместо речки дерево чинэ нашел. На него залез. Приходит брат. Спрашивает:

— Ты что делаешь?

— Чум ставлю.

— А почему на дереве?

— Ты же сам сказал...

— Я тебя к речке Чина посылал.

Плюнул. Оленей искать пошел. Ивулю к порогу велел идти. Чум туда перенести.

Ивуль чум собрал и к порогу притащил. Унты снял. В воду забрел. Чум на камнях в пороге поставил. Не успел глянуть, а его водой унесло. Вылез Ивуль на берег. Плачет. А брат оленей пригнал. Спрашивает его:

— Ты чего плачешь?

— Чум унесло.

— А зачем на пороге ставил? Ведь я у порога на берегу сказал...

Ну чего с дурака возьмешь? Пришлось брату чум догонять. А Ивуль с оленями остался. Олени травку на берегу щиплют. Один в воду полез. Ивуль его поймал. Ножик взял и со всех ног до колен камусы (шкуру) снял. Тут брат подошел. Кричит:

— Ты чего сделал?!

— Я с него бакари снял. Он в воду хотел лезть. Замочить мог...

Покачал Авель головой. Оленя прирезал. Решил Ивуля к людосдам — манги отвести. Пусть его съедят. Велел ему в гости собираться. Тот обрадовался.

Пришли к манги. У них дома высокие, каменные. Сами ростом с дерево. По одному глазу во лбу. Увидели братьев. Радуются. Печку затопили. В чугуне, с бочку, кашу варить поставили. Ивуль кашу увидал. К печке подошел, смотрит на кашу. Глаз не сводит. Дожидается, когда она сварится.

А манги Авеля схватили. К печке потащили, жарить собираются. Тот упирается. Тоже сильным был. Да манги сильнее. Вот уж ноги его

в печь запихали. Авель в чугу́н уперся. Чугу́н опрокинулся. Ка́ша на пол потекла. Иву́ль рассердился. Схватил за ноги одного манги и давай им остальных бить. Он сильнее их был. Всех разогнал. Брат живым остался. Авель на полу лежит и думает: «Не было бы Иву́ля — изжарили бы меня. Жалеть брата надо».

И пошли братья вместе обратно домой. Долго дружно потом жили. Авель еще жив. А Иву́ль, говорят, помер.

НГОПУТОЙ И ПЕТРУШ

Князь Чулугды был страшным-престрашным: с одним-глазом, одной рукой и одной ногой. Жил он в каменном доме на берегу моря. Захотел Чулугды жениться на красивой бедной девушке.

У девушки этой было два брата — Нгопудой и Петруш. Братья никак не хотели отдать сестру за князя.

Рассердился Чулугды на братьев. Поймал их, посадил в бочку. Бочку засмолил, в море бросил. Унесла ее вода далеко от берега. Стали братья помощи просить:

— Море, море! Выбрось на берег нас! Мы тебе оленя дикого добудем!

Вдруг подул сильный ветер. Волны поднялись. Подхватила одна из них бочку и на берег выкатила.

Нажал Петруш ногой в дно. Выдавил. Братья на берег вышли. Оленя дикого стрелой убили. На куски разрезали, в море бросили. Обещание исполнили. К своему чуму пошли. А там только пеньки горелые остались. Чулугды чум сжег. Стали у пеньков спрашивать:

— А где сестра наша?

— У Чулугды она, — отвечают.

Побежали братья к каменному дому. Нгопудой на чердак залез, а Петруш у двери остался. Чулугды чай пил, рядом сестра сидела. Крикнул Нгопудой в печную трубу:

— Чулугды! У тебя чай с углями!

Слышит князь голос из трубы, а не видит, кто говорит. На улицу пошел. Только дверь открыл, Петруш из лука в него выстрелил. Убил князя. Братья в избу вошли. Смотрят — никого нет. Только бабочка одна летает. Увидала их, к Петрушу на плечо села. Это, оказывается, сестра их была. Ее Чулугды в бабочку обратил. Погоревали братья, да что сделаешь? Так с бабочкой на плече и домой пришли. Долго вместе жили. Потом братья умерли, а бабочка и сейчас жива. Она беленькая, с красными пятнышками. Если найдешь такую — та самая и будет.

ЧЕРТ

Черт раньше сильным считался. Люди его боялись. Он к ним часто ходил. Вот пришел черт к одному охотнику и говорит:

— Давай бороться! Узнаем — кто сильнее?

Приздумался охотник. Пожалуй, не справится. Надо что-нибудь придумать. Видит, в кустах заяц листья щиплет. Отвечает:

— Почему не побороться? Можно! Да только ты не справишься. Я тебе кости поломаю...

Не боится тот. Все равно соглашается. Тогда охотник на зайца показывает.

— Вон ребенок мой. Вчера родился. Сыграй с ним в бегунки. Если перегонишь, буду бороться.

Пошел черт к зайцу. Ребенка-то, думает, перегоню... Только стал подходить, а тот наутек. Черт — за ним:

— Дожидай!!

А заяц и слушать не хочет. Только пятки мелькают. Долго бежал: черт, язык до земли высунул. Заяца в кустах потерял. Пришел обратно к охотнику. А тот говорит:

— Вот видишь?! Ребенка не мог перегнать, а со мной и вовсе не справится. Да уж ладно. Поборюсь я с тобой... Только сначала попробуй с моим дедушкой... Там он! — охотник на черемуховые кусты показал. А там медведь был.

Подумал черт — и впрямь со стариком ничего не стоит справиться. Пошел в кусты. Медведь на задние лапы встал, передние поднял и заревел. Схватились. Медведь царапается, жмет. Черт

тоже не сдает. Долго боролись, никто пересилить не может. От черта ключья летят. Силы у них выходить стали. Взялись было еще, да разошлись. Медведь еле в тайгу ползлся, а черт на карачках к охотнику приполз:

— Ну и сильный же твой дед!

— А ты со мной хотел бороться! Ну, давай попробуем?

— Нет. Силы вышли. Пойдем лучше ко мне в гости.

Пошел охотник. У черта жена-чертовка и дети-чертенята. Все, как уголь, черные.

Рассказал черт своей жене все, что с ним случилось. Чертовка и говорит:

— Куда такого привел? Отведи обратно!

— Ничего. Я на другом его испытаю...

Решил гостя в бане попарить:

— Пойдем, гость, дрова рубить!

— Пойдем!

Пришли в бор. Черт огромную лиственницу срубил, сучья не обрубил и говорит:

— Понесем.

Охотник отвечает:

— Понесем...— а сам за вершину взялся, приподнял на плечо и кричит:

— Поднимай!

Черт комель поднял, взвалил на плечо. Поташил. Ноги у него на целые унты в землю ушли. Лиственница-то тяжелая была. Тащит, пытит. Притащили. Охотник вершину с плеча сбросил, сел на сучья, песни запел.

Черт и говорит чертовке:

— Ну и сильный же! Вперед меня лесину на плечо положил. Я еле дошел, а он еще песенки пел.

— Отведи, пожалуйста, его обратно!

— Ничего. Я его еще испытываю...

Велел охотнику воды в баню принести. Показал бочку. Ее не то, чтобы с водой, а и пустую не унесешь. Задумался гость. Взял топор, взвалил бочку, еле-еле до озера донес. Бочку поставил. Топором озеро кругом окапывать стал. Черт его долго ждал. Сам на озеро пришел. Спрашивает:

— Что ты делаешь?

— Окапываю...

— Зачем?

— Хочу сразу все озеро к чуму принести...

— Что ты?! Что ты?! У меня чертенята в нем утонут! Нам бочки хватит! — Сам бочку

схватил, воды зачерпнул, к чуму понес. Чертовке рассказал:

- Хотел все озеро принести, да я отговорил.
- Отведи его! Не миновать нам беды!
- Ничего. Я его еще испытаю...

Нагрел черт воды. Помылся, гость в бане и запросился спать. У черта другой чум был. Отвел он туда гостя, постель дал. Гость спать лег. А когда черт ушел, охотник бревно из леса принес, на постель положил, одеялом накрыл. Сам спрятался. В полночь черт с толстой палкой к чуму гостя пришел. Туда залез и палкой по постели бить начал. Долго бил. Бросил. Чертовке рассказал:

- Охотника убил. Теперь не бойся!

Охотник вернулся в чум, унес бревно обратно в лес и лег на постель. Утром черт проснулся. Пошел на гостя посмотреть. Вошел. А охотник как раз с постели вставал:

- Здорово, хозяин! Крепко я сегодня поспал! Во сне даже ничего не видел... Только слышал сквозь сон — будил ты меня зачем-то.

Опешил черт. К чертовке побежал:

- Смотри! Бил, бил, а он живой!
- Сейчас же веди его домой! Я завтрак уже сварила...

Но охотник от еды отказался. К себе в гости черта пригласил. Не хотел тот идти, да человека побаиваться стал. Пошел.

Когда пришли, охотник дохлую собаку сварил. Потцует черта. Тот ест и губами причмокивает. Кричит охотник жене:

- Собачье-то мясо еще есть?

Понял черт. Обиделся. Домой убежал. С тех пор к людям не ходит.

ГЛУХАРЬ

Давным-давно жил охотник-звенк. Ничего у него не было: ни жень, ни оленей, ни собак, ни огня. А в тайге — ни зверя, ни птицы. Все реки и озера — без рыбы.

Вот пошел он однажды на промысел. Вдруг увидел в бору на сосне глухарь сидит. Только прицелился в него из лука, а тот заговорил человеческим голосом:

- Не убивай меня! Пригожусь тебе...

Сразу у охотника лук опустился. Стоит, дивится. Спрашивает глухаря:

- А чем же ты годишься мне?
- Отвечает ему глухарь:

— Иди в чум. Ложись спать. Утром увидишь. Охотник послушался, пошел домой. Лег спать. Утром проснулся, видит — лежит он на кровати в новом доме. На кухне молодая жена завтрак готовит. На него посматривает, улыбается.

Вышел эвенк на улицу, а там олени бегают, собаки лают. В стороне амбар стоит. В него вошел. Там большие сусеки с мукой полнехоньки стоят. Обрадовался охотник. Откуда счастье такое привалило, думает. Хорошо жить стал. Жена сына родила. На охоте и рыбалке каждый день удачно добывал. Захотел он еще большего. Пошел в тот бор к глухарю. Глухарь опять на сосне сидит. Увидел охотника, спрашивает:

— Что нужно, добрый человек?

Отвечает тот:

— Хочу я, чтобы дрова сами рубились и в избу носились...

— Ступай домой. Утром увидишь...

Вернулся эвенк домой. Лег спать. Утром встал, видит — дрова лежат на кухне. Понравилось. Пошел опять к глухарю.

— Что нужно, добрый человек? — спрашивает его глухарь.

— Не хочу больше на охоту и рыбалку ходить. Пусть белка и рыба сами добываются.

— Иди домой. Утром увидишь...

Пришел он домой. Лег спать. Утром встал, видит — в амбаре добытые белки, росوماхи, колонки висят, в бочках рыба подпрыгивает.

Охотник еще сильнее обрадовался. Большого захотел. Опять к глухарю пошел.

— Что нужно, добрый человек? — спрашивает глухарь.

— Хочу, чтобы ты, глухарь, у меня работником был...

Ничего не ответил ему глухарь. Крыльями захлопал. Улетел. А эвенк обратно отправился. Когда пришел — увидел: ни дома, ни амбара, ни жены, ни оленей, ни собак на том месте нет. Только один его старый чум стоит. Пошел в лес — ни одной белки не добыл. Пошел на реку — ни одной рыбки не добыл. С голоду помер. Так ему и надо — жадному...

ЗОЛОТОЕ ЯИЧКО

Раньше медведь хозяином тайги был. Все его боялись, поклонялись ему. Захочет что-нибудь сделать — все сделает. И перечить ему нельзя, а то худо будет. Но иногда находились смельчаки. Не боялись. Раз вот как случилось. Жила в тайге бедная женщина с мальчиком.

Мужа ее тот медведь задрал. После этого они так обеднели, что и надеть было нечего. Ушел однажды мальчик в тайгу на охоту, а мать дома осталась. Бродит он с луком по тайге, а добыть ничего не может. Нет дичи. Всю медведь уничтожил. Вот уж солнце за гору падает, а удачи нет. Сел на колоду, горько заплакал. Вдруг видит, из-под колоды рябчик выскочил. Обрадовался охотник, луком в него нацелился. Рябчик присел и человечьим голосом заговорил:

— Стой! Не бей меня!

Опустил охотник лук, слушает, удивляется...

— Все тебе сделаю, что захочешь.

— А что же ты сделаешь?

— Золотое яичко снесу!

— А зачем мне яичко?

— Яичко это счастье бедным эвенкам даст. Возьмешь его и домой иди. В твоем чуме сейчас медведь сидит. Он твою мать за долги увести хочет. Когда к чуму будешь подходить — закричи: «Я силач! Медведей побеждаю!» Медведь услышит, выскочит, а ты бей его яичком по лбу, между глаз. Медведь сдохнет. А богатство его беднякам достанется.

Мальчик согласился. Снес ему рябчик золотое яичко и скрылся.

Мальчик домой пошел. Когда к чуму подходить стал — те слова сказал. Из чума медведь выскочил, на всю тайгу заревел, зубы оскалил. А мальчик ему золотым яичком по лбу между глаз ударил. Рявкнул медведь еще раз и сдох.

Смотрит охотник кругом, а к чумам бедных эвенков олени бегут. На своих спинах турсуки с богатством везут.

Вышли эвенки на улицу. Хвалят мальчика за смелость и удачу. Руки ему жмут.

С тех пор стали охотники жить-поживать и нужды не знать. А те медведи давно в тайге вывелись.

ОЛИ

Жил-был муж с женой. С ними сестра жены. Утром муж встал, говорит:

— Сон нехороший видел. Кабы несчастья не было.

А жена сказала:

— На охоту пока не ходи...

— Нет. Пойду. Чего день терять! Может, сохатого добуду...

Не послушал. Ушел. А в это время оли-ворон с железными крыльями прилетел. Черный. Большой, с сохатого. Қорэндэс его звали. Жену охотника Унганги на спину посадил и обратно полетел. За ними сестра жены побежала. Высоко летит ворон. Видит жена — далеко-далеко муж сохатого обдирает. Закричала ему:

— Говорила тебе не ходи...

Не успела сказать. Мимо пролетели. Видит — впереди море блестит. Недалеко гора. На горе дом белокаменный, а вокруг много коров ходит. Ворон тут сел. Вошли в дом. Там двое детей — воронят — на полу лежат. Ворон железные крылья снял, в подполье спрятал. Еду готовить велел. Сам спать лег. Унганги обед сварила. Тут скоро ее сестра прибежала. Похудела сильно. Унганги ее накормила и в подполье спрятала. Кадкой накрыла. Подпилочек и шило дала. Ворона разбудила. Воронят и его накормила. Воронята спать легли. Унганги крылья из подполья достала. Ворон их надел. На охоту улетел.

Сестра Унганги в полу дырки шилом сделала. Скоро ворон вернулся. Закричал на Унганги:

— Кокор-дыр! Кокор-дыр! Корову зарежь! Пусть ребята едят!

Опять крылья снял. В подполье положил. Поел. Спать лег. А Унганги корову зарезала. Мяса воронятам дала. Опять те поели. Спать легли.

Только сестра в подполье не спала. Подпилочком крыло пилила. Железо дребезжало.

Ворон услышал:

— Кто тут трещит?

— Да что ты, Қорэндэс! Это дрова в печке... — ответила Унганги.

Долго сестра пилила. Немножко пропилила. Железо страсть крепкое.

Утром ворон крылья снова надел. Пропиленное крыло не заметил. На охоту улетел. А когда вернулся, сестра снова пилить крылья ворона взялась. Немного осталось, Унганги говорит:

— Ну, как? Готово?

— Готово, — отвечает сестра.

— Теперь, — говорит Унганги, —

иди на улицу. Когда ворон придет и спать ляжет — ты вызови его бороться на море.

Так и сделала сестра. На улицу вышла. В кустах спряталась. Ворон пришел. Спать лег. В полночь песню с улицы услышал:

Корэндэс! Корэндэс!

Бороться, бороться!

На середину, на середину!

На море пойдем! На море пойдем!

Вскочил ворон. Крылья надевает и отвечает:

Кокор-дыр! Кокор-дыр!

Кто кличет? Кто кличет?

Кто мешает спать? Кто мешает спать?

Меня птичка не шевелила!

Меня птичка не шевелила!

Дождидай!! Дождидай!!

Крылья надеваю! Крылья надеваю!

Догоню — убью!!! Догоню — убью!!!

Крылья надел. На море полетел. А сестра в кустах осталась. Только до середины моря долетел — крыло подпильенное отломилось. Ворон об воду ударился. На части рассыпался. Из тех частей тотчас вороны поменьше сделались. По всей земле разлетелись. С тех пор вороны маленькими стали.

АНКУЛАК

У речки Аявы три чума стояли. Над ними сизый дым костров вился. Собаки весело лаяли. Наперебой олени колокольчики трезвонили. Дети звонко кричали.

Раз осенью стойбище разбойники с луками в руках окружили. Всех жителей убили. Оставили только красивую Анкулак — жену самого смелого охотника.

Муж ее убежал. Кукушкой оборотился. Сел на дерево. Закуковал протяжно. А песню ту поняла только Анкулак.

Разбойники посадили красавицу в берестянку. Один впереди сел, другой сзади, поплыли вверх по Катанге-реке.

Муж-кукушка вслед за ними. Залетит вперед, сядет на дерево и кукует. А кукование то значило:

— Проткни пальцем берестянку. Вода набежит. Они, вылезут на берег. Станут ее чинить, а ты в это время убегай. Я дожидать буду...

Плывут они по реке. Анкулак незаметно дно берестянки ковыряет. Вдруг разбойник позади закричал:

— Вода!!! Наверно, камень задела. Надо вылезать. Серу найти, дно чинить...

Остановились. Вытащили берестянку на берег. Топливо собрали,

костер разожгли. Анкулак poslалли серу собирать с лиственниц и наказали:

— Далеко не ходи! На виду будь, а то стрелой убьем.

Сами сели у костра, следят за нею. Вьется кукушка над Анкулак. Кукует — говорит:

— Сними парку. Брось на пеня. Платок на нее кинь, а сама упади. Отползи в сторону. Убегай изо всех сил...

Так она и сделала. Подошла к пню. Обняла его, будто серу собирает, а сама незаметно сняла парку и платок. На пне оставила. Упала. Отползла в сторону. Тут на ноги встала и бегом припустила. Впереди кукушка летит. Дорогу к родному стойбищу показывает.

Сидят разбойники. Видят шубейку, думают, что это она — Анкулак. Долго ждали. Рассердились. Кричат:

— Чего долго? Скоро вечер, а ты все серу собираешь?!

Не отвечает Анкулак. Догадались, наверное. Подошли к парке, а там — пеня...

Погнались за ней, да уж поздно было. Не могли догнать.

ПРЫГУН

На одно стойбище разбойники пришли. Мужчин, стариков и детей убили. Спаслись только старик с внуком — мальчиком. Они в кустах спрятались. Женщин с оленями всех угнали, с ними и мать мальчика. Когда их гнали — мать платок свой рвала на лоскутки, лоскутки на кусты вешала.

Прошло много ли, мало ли времени, мальчик растет. Вот он выше турсука стал. Дедушка прыгать его учить стал. Ловкий прыгун хорошим бойцом раньше считался. Сделал дед стрелы игрушечные, взял лук, мальчика на выстрел от себя поставил. Дедушка в мальчика стрелу пускает, тот вверх или в сторону прыгнет, чтобы стрела не задела.

Много дней учил. Вот уж мальчик выше оленьей спины вырос. Настоящим прыгуном стал. Дедушка боевыми стрелами испытал его, а потом сказал:

— Ты настоящий прыгун теперь. Иди вот по этим лоскуткам на кустах. Их твоя мать вешала. Найди тех разбойников и отомсти за наш род...

Надел мальчик боевую одежду, взял лук со стрелами и отправился в путь. Долго шел, плутал. Вель те лоскутки уже сгнили и еле на кустах держались.

Вот и зимнее стойбище разбойников. Они здесь зимой стояли. Только палки чумов остались. Посидел. Отдохнул. Затесы на деревьях заметил. По тем затесам дальше пошел. Тоже долго шел. Опять стойбище. Весеннее. Старая одежда разбойников на сучках висит. Значит, недалеко

должны быть. Разведать надо сначала. Снял прыгун свою одежду, спря-тал вместе с луком под колоду, надел брошенную разбойничью и пошел.

Вот и летнее стойбище. Чумы стоят. Олени бродят. Дымом пахнет. Зашел в первый чум. Сидит там разбойник. Женщина чай греет. Разбойник говорит ей:

— Покорми нищего,— а сам вышел.

Кормит женщина мальчика, а сама на пришельца поглядывает. Чует материнское сердце — это ее сын?! Расспросила его. Узнала. Чуть от радости не крикнула, но мальчик предупредил:

— Не время, мать... Я сейчас уйду, а ты стрелы все спрячь. Луки оставь. Пусть то же наши люди в других чумах сделают...

Ушел он на весеннее стойбище. Переоделся и обратно пришел. Лук приготовил. Разбойники в это время отдыхали.

Вошел в первый чум. Разбойник вскочил, за лук схватился, стрел не нашел и тут же упал, стрелой пробитый. Убил прыгун и остальных разбойников.

Собрал людей, оленей и к дедушке их увел.

БОЙ У ЧАДОБЦА

Давно-давно это было. Может, сто лет прошло. Повздорили шаманы чемдальских эвенков с шаманами рода Куркогир. Из-за этого подбили людей на родовую войну.

Собрались воевать на Чадобце. Куркогиры на левом берегу, а чемдальцы — на правом. Чемдальцы не хотели воевать: меньше их было. Они хотели мириться. Тупую стрелу через реку к куркогирам пустили — мира просили.

Куркогиры на обрыве берега стояли, впереди у воды их шаман сидел. Стрела та у ног шамана упала. Куркогиры сверху спрашивают:

— Какая стрела?

Шаман отвечает:

— Острая! Воевать хотят!!

Тотчас после этого шаман медведем оборотился и на тот берег через реку побежал. Воины за ним. Чемдальский шаман тоже медведем сделался и навстречу с воинами бросился. Начался бой.

У чемдальцев прыгун Сэргэчо впереди шел. Куркогиры не могли в него попасть — он все время увертывался. Стрелы мимо пролетали, в сосны втыкались. А сам Сэргэчо много куркогиров убил. Те отступать стали. У них стрелы вышли. Чемдальцы в погоне за реку перешли. Сэргэчо старика-кузнеца за речкой нашел. Он куркогирам стрелы во время боя ковал. Говорит Сэргэчо кузнецу:

— Дай мне стрел!

Видит старик, что это Сэргэчо, отвечает ему:

— Мне не жалко стрел, да к чему эта зряшная война? Не лучше ли по домам разойтись?! У тебя жена и дети есть... Помнишь ли ты о них? Как эти слова старик сказал, у Сэргэчо руки опустились. Назад с войском повернул. На этом бой и кончился.

А где бой был — то место и сейчас заметно. В деревьях наконечники стрел торчат: железные и костяные. Много их. Очень много.

УМНАЯ ЖЕНА

Охотник с женой в тайге белковал. Подошло время охоту кончать. Весна наступила. Нужно на речку кочевать, рыбачить. Муж говорит жене:

— Я пойду вперед. Дорогу проложу, затесы на лесинах сделаю. У речки тебя подожду. Ты оленей собери, чум сложи и ступай за мной... — Тут он и ушел с луком и пальмой.

Прошло немного времени. На чум два разбойника набрели. Видят — мужчины нет. Одна женщина тут. Оленей ловит. Велели ей одного оленя зарезать, обед им сварить. Сами луки со стрелами на дерево возле чума повесили. В чум залезли отдыхать.

Женщина оленя зарезала, мясо варить поставила. Другой кусок с кровью схватила, по следам мужа побежала. Бежит и те затесы кровью мажет. Немного отбежала, обратно вернулась.

Муж у речки долго ждал. Обрато решил вернуться. Видит — на затесах кровь. Догадался — разбойники на жену напали.

К чуму подкрался. Видит — луки на дереве висят. Он пальмой тетиву у них перерезал, стрелы в кусты бросил. Разбойники услышали и говорят:

— Кто там луки трогает? Иди-ка посмотри...

Женщина вышла, мужа увидела и обратно в чум зашла, говорит:

— Луки висят... Никого нет... Это птицы на них садятся...

Поверили разбойники, снова принялись за еду. Охотник завязки на чуме обрезал, бересту приподнял и в разбойников из лука выстрелил. Одной стрелой обоих убил. Хороший стрелок был.

КАРДАКУ

Говорят, давным-давно у ангаро-катангских эвенков жил вожак чангитов по имени Хэвэко. Был он высокого роста, отличный прыгун, смел и тщеславен. Воевал с эвенками Нижней Тунгуски и всегда одерживал победы, а в последнем бою жестоко разбил их. Сородичей угнетал нещадно, и за это был смертельно ранен храбрым батраком-эвенком Кардаку. Вот как это случилось.

Уходя куда-нибудь в поход со своим отрядом, Хэвэко всегда приказывал делать затесы на деревьях. А это значило: «Я никого не боюсь, потому и не скрываюсь. Если хочешь со мной сразиться — приходи по этим зарубкам».

Смелый Кардаку увидел такие затесы, пошел за Хэвэко и нагнал его в походе.

Хэвэко быстро шел и на ходу пальмой затесы делал. Был он в кожаном панцире и такой же шапке. Когда стрелы попадали в него, сразу отлетали. Одно только место — под мышкой было уязвимо. Кардаку об этом знал.

Вот, когда Хэвэко поднял правую руку с пальмой, чтобы сделать затес, Кардаку из лука выстрелил. Стрела попала в цель. Хэвэко крикнул, опустился под дерево и сказал:

— Много лет меня никто не мог победить, а сейчас наступил конец... Выходи же, победитель!

Кардаку подошел к нему. Хэвэко снял свои боевые доспехи и отдал их Кардаку.

Победив Хэвэко, Кардаку стал защитником бедных эвенков.

Он жил близ устья речки Чавида, что впадает в Подкаменную Тунгуску выше поселка Оскобы. Сейчас там колхозное поле.

Стоит на том поле, отдельно от всех, одна толстая лиственница. Теперь она уже засохла. Эта лиственница росла, когда еще жил Кардаку.

ЗОЛОТО

Старый-престарый дедушка-охотник сына охоте обучал. Загадку ему загадал.

— Скажи, сынок, что это за золото на дереве растет?..

Сын долго думал. Никак не мог отгадать. Просил отца сказать. А тот велел в тайгу собираться.

Долго по лесу шли. На дереве белку увидели. Подходя к лиственнице, дедушка и говорит:

— Вот оно золото!

СПОР

Сошлись два охотника: старый и молодой. У костра сели. А день хороший был. Тихо. Солнце светит. В такую погоду сохатый скрип снега слышит и запах чует. Только опытный охотник его добыть может.

Завели они разговор. Дело до спора дошло — кто из них хороший охотник? Третий к ним подошел. Говорит охотникам:

— Я сохатого заметил. В снегу лежит. Лучшим охотником тот окажется, кто к нему на выстрел подползет, рукавицу оставит и обратно вернется. А второй пусть ту рукавицу назад принесет.

Спорщики согласились. Старый охотник первым отправился. Пополз. Вот уже сохатый виден стал.

Лежит. Глаза закрыты. Жвачку жует. Не слышит. Охотник оставил рукавицу и обратно двинулся.

Пополз молодой. Рукавицу ту в зубы взял и назад. А сохатый все дремлет. Даже уши не прямо стоят. Оба они хорошими оказались.

МУЖИЧОК С НОГОТОК

Пришел мужичок с ноготок в гости к охотникам. Они белку ему сварили. Угощать стали. Мужичок с ноготок одну лапку съел. Наелся. Спасибо сказал. Домой пошел.

Вернулся, жене рассказывает:

— Был в гостях. Охотники целого сохатого сварили. Он такой большой, что и от одной ноги сытым стал.

О Х О Т Н И К И

Давно-давно восемь охотников в тайге промышляли. Всего вдоволь добывали. Потом баловать стали. Сохатого поймают, шкуру с него сдерут и обратно в лес пустят. Убежит сохатый. На речке рыбы наловят, мясо обкусают, а кости обратно в речку пустят. Уплывет рыба. Глухаря поймают, перья общиплют. Вверх подбросят. Улетит глухарь. Весь год так. Только один молодой охотник так не делал. Его мать отговаривала.

На второй год они снова в тот же лес пришли. Все звери, птицы, рыбы куда-то исчезли. Только ободранные ими сохатые попадались, да и те убегали. Только общипанные ими глухари на соснах сидели, да и те улетали. Только обглоданные рыбы из воды выплывали, да и те в глубину ныряли.

Ни с чем домой пришли. С голоду померли. Один молодой охотник остался. Медведь вблизи его чума берлогу сделал. Охотник увидел. Медведя убил. Стал мясо есть, выжил.

ОЧЕРЕДИ ВЫШЛИ

Поплыли однажды неводить вверх по реке три женщины и один старик. Старик на корме, а женщины по очереди в греблях сели. Одна прогребла до ручья — другая села. Вторая прогребла — третья села. Вот уж третий ручей. И третья гребсти кончила. А ехать до четвертого ручья надо. Сидят женщины. Спорят. Не гребут. Все говорят, что и очередь вышла.

Старик лодку завернул и обратно домой поплыл. Вот уж и чум виден. А женщины ему кричат:

— Ты что обратно?

— А раз очереди вышли... Гребсти-то ведь некому.

В А Н А В А Р А

Давным-давно у речки Ванавара жил бедный эвенк охотник из рода Куркогир. Ана звали его. Полюбил он девушку Вару — батрачку кулака, но заплатить за нее выкуп не мог.

Кулак просватал девушку за старого, богатого шамана Кирбура. Не вынесла Вара тяжелой жизни у шамана и бросилась со скалы Катангу.

С болью в сердце узнал Ана о гибели любимой. Побежал он тотчас к шаману — отомстить за смерть Вары или погибнуть самому... И убил он шамана из лука, а сам ушел куда-то далеко, навсегда покинул родное стойбище.

С тех пор о них забыли. В памяти только одно осталось. На звали тогда эвенки то место Анаварой. Вот оттуда и название Ванавара пошло.

КАК РУССКИЙ И ЭВЕНК ПОМОЩНИКОВ НАШЛИ

У русского и эвенка раньше скота не было. Однажды встретились они. Разговорились. Эвенк спрашивает:

— Трудно одному жить. Где бы помощника найти?

А русский отвечает:

— Верно говоришь. Знаю я, где найти. Бери маут. Пойдем.

— Куда?

— К горе. Там они.

Взяли маут, пошли. Видят — впереди чистая гора. На ней конь, олень и сохатый лежат. Ветер дует, комаров с них сдувает.

Спрашивает эвенк русского:

— Ты кого ловить будешь?

— Коня. А ты?

— Я сохатого. Он сильнее всех.

Русский закинул маут. Коня за шею поймал. Вздрыбился конь. Рвется, но русский его к себе притянул. Домой увел. С тех пор конь у него живет. Работать помогает.

Тут эвенк стал бросать. Собрал маут колечками, размахнулся. Но в сохатого не попал. Ветер помешал. Петля за рога оленя зацепилась.

А сохатый испугался. Вскочил. В лес убежал. Олень теперь хорошим другом эвенка и помощником ему стал.

БОГАТЫРИ

Давным-давно жил в Байките на Катанге сильнуший богатырь. Богач был. Никто его ни богатством, ни силой превзойти не мог. Долго искал себе ровню. Не находились такие. Однажды прослышал он, что живет на дальней Катанге, в Ербогачене, еще богатырь. Говорят, сильный-пресильный.

Собрался. Прикочевал к нему. Сказал:

— Давай, друг, силу попробуем! По десять самых хороших учагов заложим. Кто победит — того олени будут.

Отвечает тот:

— Я бедный. У меня оленей нет.

Ничего не ответил богач, но не ушел со стойбища. Шутейные игры в борьбу устраивал. Некоторые пробовали побороться с ним. Да что толку — с синяками ушли.

Пристает снова богач к бедняку. Без его заклада бороться соглашается. Своих учагов десять выставляет.

А у того бедняка-богатыря брат был. Силой меньше его. Сказал бедняк ему:

— Иди, брат. Поборись. Узнай силу богача.

Пошел тот. Будто в шутку поборолся с ним. спрашивает брат-богатырь:

— Ну, как?

— Да если бы еще немного силы — поборол бы.

Взялся бедняк-богатырь с богачом-богатырем бороться. Вышли на поляну. Рубахи сняли. Ремнями-подпругами животы обмотали. Богач гворит:

— А ну, пробуй!

Сунул бедняк руку под ремни, а тот спрашивает:

— Ну, как?

— Да ничего. Хорошо. А ну, ты пробуй!

Сунул богач руку под ремни. Кричит:

— Ой, туго. Как просунешь?

— А если ты сильный — просунешь...

Стали бороться. Бедняк поднял его. На землю бросил. Дал ему богач десять оленей. Сразу в Байкит уехал. Говорят, недолго жил. Помер.

ДЮЛАКЕН

Еще при князьях дело было. Жил в тайге бедный эвенк со своими братьями. Не только оленей, у него даже надеть на себя нечего было. Сидел в чуме, боялся в люди показаться.

Приходит к нему раз лиса и говорит:

— Почему не женишься? Я нашла тебе невесту. Богатую, красивую. Князеву дочку!

— Да кто за меня пойдет за такого бедняка?

— Обещаю... Сосватаю!

Подрядилась лиса свахой, прибежала к князю:

— Отчего, князь, дочь замуж не отдаешь?

— А женихов нет,— отвечает князь.

— Эээ! Да у меня на примете есть один! Уж какой красивый! Уж какой богатый! Целые сундуки с золотом стоят... Хочешь, со всем богатством на лодке к тебе приплывем?!

— Ну, что ж... Приезжайте, стало быть, сватать...

Прибегает лиса обратно к жениху и говорит:

— Поедем!

— Да куда, я голый?

— Говорят, поедем!

Согласился жених. Лиса лодку в воду спихнула. Велела братьям жениха цветы по берегу собирать да лодку ими украшать. Украсили они лодку цветами. Сели, поехали.

Только из-за мыса реки выплыли, видят — вдаль на берегу князь с княжной стоят, на лодку смотрят.

— Гляди! Гляди! Жених. Должно быть, богатый! Лодка даже издали такая красивая!

А лодка от мыса немного отплыла и кверху дном перевернулась. Закричал князь:

— Ой, жених утонул!! Скорей! Скорей! Спасайте!!

Лиса нарочно возле лодки бултыхается. Жених тут же, рядом. Выплыла лиса на берег с ним и говорит князю:

— Ой, ой! Что будем делать? Все как есть утопили... Жениху даже надеть нечего. Нет ли у тебя, князь, лишней одежды? Только до дома бы доехать, там у него горы всего...

Принес князь новые сапоги, штаны и рубашку. Обрадовался жених. Он в жизни этого не видал. Надел, смотрит на себя не насмотрится. Князь заметил и спрашивает:

— Чего он смотрит?

— А, наверное, сравнивает... У него, ведь, все лучше было, — отвечает лиса.

Поверил князь. Согласился дочь отдать. Приданое дал.

Вернулись они в чум к жениху. Братья оленей князевых вслед за ними пригнали.

Поблагодарили они лису, а сами стали жить-поживать да горя не знать.

УМНАЯ НЕВЕСТА

Давно в тайге два эвенка — бедняк охотник и богатый князь — жили. Оба были не женаты. Задумал князь на самой красивой девушке жениться, а найти по своему вкусу никак не мог. Пришел к бедному и говорит:

— Слушай, найди мне самую красивую на свете невесту.

Отвечает тот:

— Есть такая, но только она небогатая. Ты на ней не женишься...

— Женюсь! Только бы самой красивой на свете была.

— Ну, что ж. Поезжай свататься.

Поехал князь с отцом к невесте. Приехали. В чум вошли. Поздоровались. Спросили, где оленей привязать. А невеста отвечает:

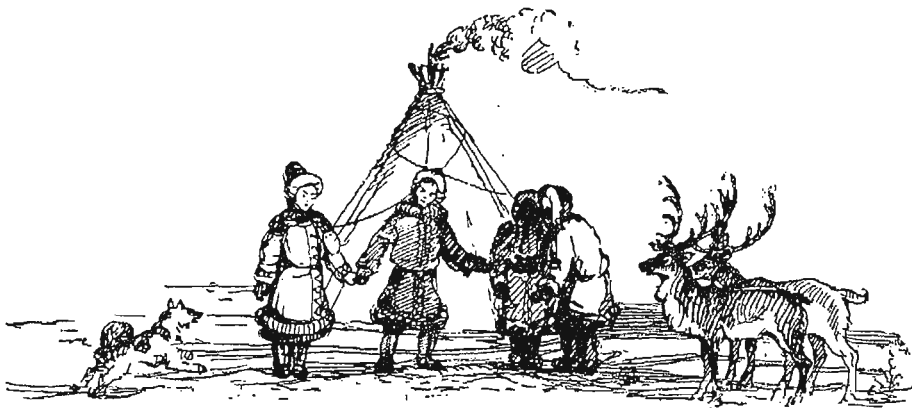
— Одного привяжите за зиму, другого за лето...

Слушают князья, никак понять не могут. Переспросить не решаются. Из чума вышли. Долго искали зиму и лето, а найти не могли. Рассердились. Привязали оленей — одного за нарту, другого — за седло. В чум вернулись. Сели. Трубки закурили.

Невеста спрашивает:

— А что вам на стол подать? Может, того, что соли не боится, когда его парят? Или поджарить то, что убывает? Или вскипятить то, что прибывает?

Молчат гости. Переглядываются. Дескать, не сумасшедшая ли? А невеста, видя, что они не отвечают, решила все названное приготовить. Из турсука яйца диких гусей достала. Сварила. На стол поставила. Потом медвежьего сала принесла. Поджарила. На стол тоже подала.

олока оленьего надоила. Вскипятила. В кружки налила. Гости покушали. Ничего не сказали, домой поехали.

Пришли к бедняку, рассказали про невесту, поругали его и ушли. бедный посмеялся над ними и решил сам на той красавице жениться. Для проверки, не впрямь ли она дурочка, испытать невесту задумал. Отсылает к ней своего отца, просит такие слова передать:

— Приди ко мне, но будучи не одетой и нераздетой, неразутой и обутой. Когда ты в чум придешь, должна быть и не в чуме и не на улице.

Передал отец невесте те слова и домой вернулся.

Поняла невеста загадку и собираться к жениху стала. Надела на ноги оленьи чулки. На плечи рыбацью сеть накинула. К жениху пришла. Чума открыла. Одну ногу через порог в чум поставила, другую — порогом на улице оставила.

Поздоровалась. Обрадовался жених. Невеста-то умная и красивая оказалась. В жены попросил. Та согласилась. Через год у них свадьба была. Я на той свадьбе песни пел, оленья мясo ел...

ПАСТУХ И ЧЕЛОВЕК-ВЕЛИКАН

Никого не было у пастуха Гургули: ни матери, ни отца. Умерли. А братья отцовский долг князю отработывали. Кто знает — жет, давно умерли?

Ничего не было у пастуха Гургули: ни чума, ни оленей, ни остроги. Ни руки да голова были только. Но и те отданы богачу Кирбура. Жил Гургуля — которую осень у него работает. Знал только чужих оленей. Пас их. Спал зимой и летом у костра. От чума отвык. Тепло

оленьего одеяла забыл. Рассказать бы про то. Да некому. Слезы текут. Поплачет — легче станет.

Вот и сейчас. Лето стало. На речку все уехали. Рыбачить. А он с оленями один. В бору у ручья. Ночь уже. Костер погас. Но Гургуля не спит. Думает, как дальше жить. Вдруг слышит — далеко-далеко кто-то кричит. Кто бы это? Прислушался. Его зовут:

— Гургуля, иди ко мне...

Разве Кирбура? Нет. Голос не тот. На гору поднялся. Еще раз послушал. С горы за ручьем опять кричат:

— Гургуля, иди ко мне...

Оробел. А голос снова. Будь что будет. Ручей перешел. На ту гору вбежал. Видит — костер горит. Кругом поляна чистая. У костра человек-веллкан стоит. Руками манит. Гургуля к нему подошел. А тот в руки пастуху узелок подал и говорит:

— Возьми его. Храни. Никому не показывай. А что в нем — не смот-

ри, пока листья на березках не пожелтеют. От Кирбура уйди. На охоту ходи. Узелок с собой носи. В нем счастье твое...

Не успел Гургуля моргнуть, великан исчез куда-то. И костер тоже. Положил пастух узелок в карман. На ночевку пошел. Там Кирбура сидит. Его дожидается. Он тоже тот голос слышал:

— Кто тебя звал?

— Да это брат мой. В гости приходил,— ответил пастух.

Уехал богач. А Гургуля снова остался.

Лето прошло. Осень наступила. Листья у березок пожелтели. Развязал Гургуля узелок. Смотрит, а там пучки шерсти от всех зверей лежат. От всех птиц по перышку. Завязал снова. В карман положил. От Кирбура ушел. Пусть сам оленей пасет. Лук взял. На охоту пошел. Сохатых много добыл. На зиму мяса. Чум поставил. Шкурами покрыл. Второй раз пошел. Соболей, глухарей добыл. Еле донес.

Теперь, как на охоту идет, тот узелок берет. Всех зверей и птиц добывает. Хорошо живет.

Кирбура, говорят, давно без пастуха пропал.

ДЮГДЫЧА

Жил в тайге батрак Дюгдыча. Он у кулака работал. Тот сказал его матери:

— До третьего лета будет долг отрабатывать...

Прошло много зим и лет. Женихом стал Дюгдыча. Девушку Ильторик полюбил. Она тоже у того кулака спи-

ну гнула. Но мать и сестренку Дюгдыча не забывал. Выйдет, бывало, из чума, залезет на дерево. Завидит вдали родные горы и плачет... Наплачется и в чум придет. Спрашивает его любимая:

— Отчего ты плачешь? Иль меня разлюбил?..

— Я не плачу. Это кусты глаза мне настигали...

Жалко ей Дюгдычу. Пошла к тем кустам. Спрашивает их:

— За что обижаете моего любимого?

Отвечают те:

— Мы его не трогали. Он о родине плачет. Не поверила им Ильторик. Все кусты кругом чума срубила.

Хозяин срубленные кусты увидал. Подумал,

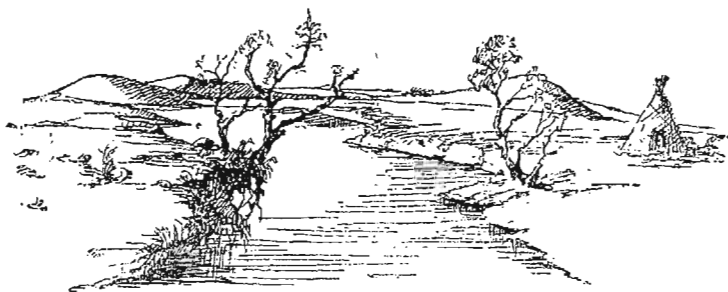
зерно, это Дюгдыча от безделья кусты рубит. Пусть лучше лосей до-
вает. И послал его в лес.

Собрался батрак на охоту. Ильторик ему наказывает:

— Когда сохатого добудешь, мясо домой не приноси. Шкуру сдери
с дерева повесь. Тушу поставь на дыбы и пасть лосиную раздвинь
кожами, потом обратно иди.

Так и сделал Дюгдыча. Домой вернулся. Не верит кулак, что он лося
был. Сам посмотреть захотел. На то место пошел. Собака вперед бе-
жит, старик за ней идет, сзади старуха его плетется. Дошли до места.
Бака увидела — лось ободранный стоит, пасть разинул, испугалась.
Зад с визгом побежала, а хозяева за ней. Бабка тут же от страха по-
пла. Старик до половины дороги добежал, тоже пропал. А собака до
га дотянула. В чуме растянулась, сдохла.

Ильторик с Дюгдычей обрадовались. Дунули по разу во все стороны,
мля у них сразу выросли. Взвились они и к родным горам полетели.

это время сестренка его третий день у матери спрашивает:

— Мама! А где брат мой?

Ответила, наконец, мать:

— Нет у тебя брата... За долги продали. Наверно, помер...

Только сказала — тут сын с невестой в чум вошли.

От радости все заплакали.

Посудили, порядили, да за свадьбу принялись.

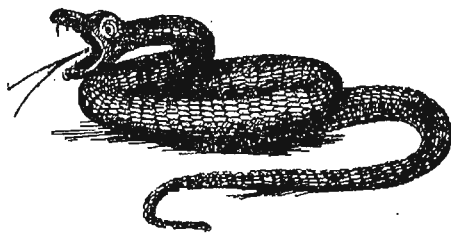
ПАСТУХ И ЗМЕЯ

Того пастуха Баркоулем звали. Он у кулака Дяликсы оленей пас. На
невесту зарабатывал. На пятую осень обещал богач дать ему на вы-
да. Да вот уж десятая проходит, а Дяликса молчит. Ждет Баркоуль,
са уже износилась. Волосы белеть начали. Но терпит Баркоуль.
ко когда пойдет оленей искать, упадет на землю и плачет. Много

много слез выплакал. Теперь на тех местах горькие осинки выросли. От слез, говорят

Как-то захотел он уйти от Дяликсы. Да где там! Говорить не велит. А чтобы не ушел — двух сыновей к нему приставил. Работать еще пуше заставляют. Зима скоро. Оленей собирать надо.

Послал его Дяликса в тайгу. Пригнал Баркоуль оленей. Стали смотреть. Не хватает одного. Чуть не убил пастуха кулак. Ночью искать велел. Баркоуль пешком пошел, а сынки Дяликсы на верховых оленях по-

ехали. В бору у ручья остановились. Разложил пастух костер. Чаем напоил хозяев. Те в теплые оленьи одеяла спать легли, а Баркоуль в парке заснул. Ветер дул. Желтые листья с осинок летели. Лес гудел. Зверя в такую ночь в тайге не услышишь. Вот и приползла тогда к ним огромная, толстая змея. Калачиком вокруг их ночевки свернулась, лежит.

Утром сыновья кулака ее увидели. Испугались. Закричали: «Ой, как мы теперь выйдем? Баркоуль, вставай! Спаси нас!»

Встал Баркоуль. Видит — змея. Кольцом вокруг них залегла. Голова у хвоста лежит. Шипит. Брызги летят. Что, думает, делать? Только подумал, а змеинная голова от хвоста отодвинулась. Проход стал. Один сын богача в него выбежал. За ним Баркоуль пошел, но голова снова к хвосту придвинулась. Не пустила пастуха. Плохо дело. Назад посмотрел — голова снова от хвоста отодвинулась. Опять проход стал. Второй богач в него выпрыгнул. Баркоуль было за ним шагнул, но голова снова дорожку загородила. Остался пастух один. Смотрит — богачей уже нет. Убежали.

А змея голову подняла и к животу его тянется. Пропал, думает. Чуть толкнула в живот, а потом спину свою потрогала. Догадался Баркоуль — на спину велит садиться. Будь что будет. Сел змее на спину. Та поползла. Да так, что кусты только мелькают. Видит Баркоуль впереди высокую скалу. Туда, значит, ползет. А когда скала стала ближе — змея зашипела. Из скалы навстречу ей вторая змея высочилась. Меньше той. Драка завязалась. Ударила большая змея маленькую: та к скале отскочила. А эта Баркоуля в живот ткнула, а потом землю потрогала. Понял пастух — слезать на землю велит. Слез Баркоуль со змеи. В сторону отошел. Смотрит — что дальше будет?

Маленькая змея отдышалась и опять в драку бросилась. Шум поднялся. От скалы камни отлетают, осинки ломаются. Большая змея ртом меньшую за голову поймала, надулась и раздавила ее. Та вздрогнула. Вытянулась. А большая отползла в сторону и давай изо рта золотыми деньгами сыпать. Горку насыпала. Потом головой их потрогала и в руки Баркоуля ткнула. Понял тот — собирать велит. Набил пастух деньгами все свои карманы. Унты снял. Их набил. Парку снял. В нее насыпал. Все собрал. Подняла змея голову. На восток показала, а сама на запад поползла. Понял Баркоуль — туда идти велит. Пошел на восток. К реке вышел. Тут чум поставил. Потом женился. Хорошо жить стал. А про ту змею не слышать с тех пор. Только богачи, говорят, сгинули. Ведь они без работников жить не могут.

ЗАГАДКИ

Что горит и не потухает?

Солнце.

У деда в году четыре имени.

Зима, Весна, Лето, Осень.

Ног нет, рук нет, а дверь открывает.

Ветер.

Идет, а не слышно.

Осенний мелкий дождик.

Что век ходит?

Река.

Кто плачет?

Дождь.

Кто дымит?

Туман.

Кто качается?

Деревья.

Возьми пуд соли, пуд еды и пуд воды. Все вари. Будешь кушать, еще соли попросишь.

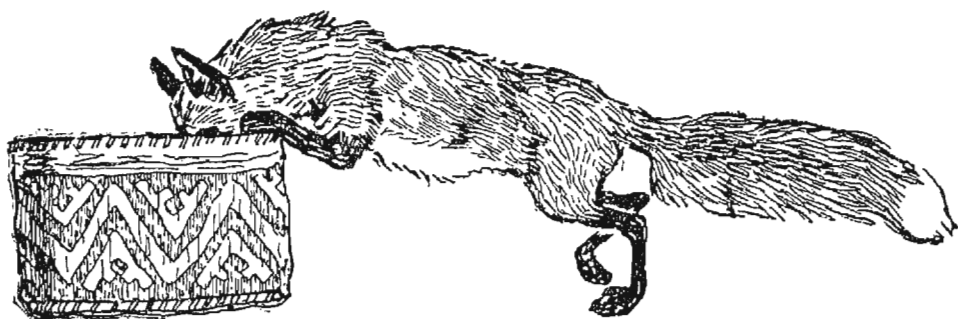
Яйца.

СКАЗКИ О ЖИВОТНЫХ

ТОНГИНГА

Жили мужик да баба. У них двое детей было. Пошли они еду искать. Ничего не нашли.

Мужик жену домой послал, а сам призадумался, как зверя добыть. Лука тогда еще не было. Сделал из бересты короб. Собрал в него с елок серу. Поставил короб на землю. Ждет.

Видит — лиса бежит. Он закричал:

— Тонгинга! (Так раньше лису называли). Кушать хочешь?

— Хочу,— отвечает лиса.

— У меня в коробе мед. Ступай попробуй,— а сам за дерево спрягался.

Подбежала лиса. Нос в серу сунула. Обратного вытянуть не может. Нос к смоле прилип. Лапами хотела помочь. В короб уперлась. И те прилипли. Задними лапами стала помогать. И с теми то же случилось. Плохо дело, думает. Мертвой прикинулась. Лежит.

Мужик пришел. Лису вытащил. Домой понес. Кричит от радости:

— Старуха! Мясо несусь!

Лису на шесток в чуме повесил. Пусть оттает. Ребятишки прыгают. Палками в глаза лисе тычут. Больно лисе. Она глаза свои то откроет, то закроет. Ребята кричат:

— Мама! А лиса-то глядит!

— Врете! Она мертвая... Мы с отцом по дрова пойдём. Вы ее не трогайте,— отвечает мать.

Только мать с отцом ушли, лиса с шестка говорит:

— Ребята! Я оттаяла. Снимите меня. Обед вам сварю...

Ребята лисе ноги развязали, с шестка ее стащили. Лиса тотчас под постель спряталась.

Мужик с бабой вернулись. Лиса из-под постели выскочила. Захотала. В лес побежала. Волка встретила. Тот только что оленя добыл. Лиса к нему:

— Ой, дружок! Кушать хочу...

— Ешь,— говорит волк.

— Спасибо, дружок! Только я сама не наемся. Ты меня к дереву привяжи. Кусочки в рот подавай.

Волк лису к дереву привязал. Накормил. Она говорит:

— Теперь развяжи.

Волк развязал. Спрашивает:

— Ну как, хорошо наелась?

— Лучше некуда!

— Теперь ты меня привяжи. Тоже накорми!

— Хорошо, дружок,— отвечает лиса.

Крепко-накрепко волка к дереву привязала. Захотала:

— Ага! Обманула дурака!

Волк просит лису его развязать, а та и слушать не хочет. Дальше побежала.

Три дня просидел волк привязанным. Чуть не сдох. Кукша, дай бог ей здоровья, его спасла, развязала. Волк остатки оленя доел, побежал лису искать.

А лиса тем временем на Ангару выбежала. К русской бабушке в кладовку залезла. Калачик украла. Бежит по реке. Ест. Навстречу ей росомаха с длинным хвостом вышагивает:

— Лиса! Отломи калачика!

— Что ты!? Самой мало! Иди вон к проруби. Хвост туда опусти. Посиди до утра. Потом тащи хвост. Калачики на него попадут...

Поверила росомаха. Пришла к проруби. Хвост опустила. До утра ждала. Стала хвост тащить, да не тут-то было. Хвост примерз. А бабы как раз по воду пришли. Коромыслами росомаху бить стали. Та дергала, дергала хвост. Оторвала. Убежала. С тех пор росомаха с коротким хвостом бегаёт. Все лису ищет.

КАК ЛИСА КУПЦА ОБМАНУЛА

Давно это было. Жил на Катанге-реке купец. С эвенками торговал. У купца много коров было. Купец очень жадный был. Задумала лиса его обмануть. Отправилась в лес. Спилила березу. Отрубила от нее чурбан. Обтесала его, приделала к нему ручку и пошла к купцу.

Вышел купец навстречу, спрашивает:

— Что это у тебя, лисонька?

— О! Это маслобойка! Потрешь по ней палочкой, а из нее масло выходит. Да так много, что и коров не нужно...

Захватила купца жадность.

— А ну, покажи, как масло получается?

Села лиса и давай палочкой по чурбаку тереть. Терла, терла и говорит:

— Посмотри-ка, купец! Не могу никак разглядеть, какие это птицы над рекой летают?

Купец взглянул на реку, а лиса в это время из кармана кусок масла достала, на чурбан положила, да как закричит:

— Смотри! Смотри! Много ли потерла, а масла уж сколько?!

Видит купец, и впрямь масло.

— Продай маслобойку! — купец уговаривает, а лиса продать не соглашается:

— А что дашь?

— Что попросишь — все отдам!.. — отвечает купец.

— Если отдашь всех коров — продам.

— Ладно... Согласен!

Забрала лиса коров и в тайгу угнала. Там их бедным эвенкам отдала. А купец сел возле чурбака и давай по нему палочкой тереть. Тер день — нет масла. Другой тер — тоже нет, а на третий догадался... За лисой побежал... Да уж поздно было. Не мог догнать...

САРАНКИ

Мужья на промысел ушли. Уходя, наказали женам привезти им через пять дней продукты на речку.

Жены стали хлеб печь, мясо варить, саранки собирать и сушить. Мясо и хлеб сложили в один турсук, а саранки — в другой. Пока собирались — позабыли, куда ехать надо. Даже названия речки не помнят. Поставили турсуки в лодки, сели и думают, куда плыть.

В это время черная лиса возле чумов бродила. Все она подглядела и подслушала. Даже заметила, в каком турсуке саранки лежат. Захотела ими полакомиться. Выскочила из леса и говорит:

— А я знаю ту речку. Мне как раз туда нужно. Подвезите меня.

Согласились жены ее взять. Обрадовалась лиса, говорит:

— Только воды я боюсь. Меня вы посадите вон в тот турсук. Закройте и щелочку оставьте смотреть.

Посадили женщины ее в турсук, закрыли, щелочку оставили. Немного отплыли. Видят — речка впадает в Катангу. Спрашивают лису:

— Лиса, как называется эта речка?

— А?.. Что?.. Речка-то?.. Немножкой зовут!..

— Нет! Не та! — говорят женщины.

— Дальше, дальше плывите! — кричит из турсука лиса.

Плывут дальше. Вот опять речка. Спрашивают лису:

— А как эта речка называется?

— Нет, не та!.. Эту Половинкой зовут!..

Верят женщины лисе. Вот уж третья речка. Опять лису спрашивают:

— А как эту называют?

— Она и есть! Всеюшкой зовут! — отвечает лиса и просит:

— Выпустите меня! Мне сюда нужно.

Выпустили женщины лису. Она выскочила на берег, захохотала, кричит:

— А саранок-то у вас в турсуке нет!

Смотрят женщины в турсук. И верно — нет саранок. Рассердились, погнались за лисой. А лиса залезла на ель, смеется да еловыми шишками в них бросает. Взяли женщины и подожгли ель. Загорелась ель. Огонь к лисе подбирается. А женщины обратно к лодке ушли. Так лисе жарко, что даже шерсть

желтеть стала. Да тут, на счастье, дождь пошел. Огонь залил. И лиса живой осталась. Только шерсть желтой стала,

Соскочила с дерева и убежала.

С тех пор все лисы желтыми сделались.

ВОЛК И ЛИСА

Раньше все звери и птицы умели разговаривать. Тогда они и играли вместе.

Вот раз лиса на дороге волка встретила и говорит:

— Давай, волк, побегаем по льду на озере!

Пришли к озеру. Оно только что замерзло. Лиса по льду побежала. Прыгает, скачет. Волка зовет, а тот боится. На берегу стоит.

— Ну, чего ты?.. Смотри — как хорошо!

Волк не стерпел и передними лапами на лед стал.

— Ой, проваливается!! Как быть?

— А ты ноги себе свяжи и прыгай!

Тогда не утонешь...

— Однако обманываешь?

— Да что ты, друг! Смотри — я прыгаю и не боюсь...

Подумал волк и согласился:

— Иди, стало быть, свяжи мне ноги...

Лиса прибежала, прутьями ноги волку связала. Волк попробовал прыгнуть, но не тут-то было... Даже встать не может. Кричит лисе:

— Развяжи!!

А та захохотала и прочь убежала.

Лежит волк и горько плачет. Летит дятел белогрудый (раньше все дятлы белогрудые были). Просит волк дятла:

— Развяжи, друг! Лося за это тебе добуду...

Крикнул дятел своих товарищей. Клювами прутья они развязали. Волк встал, спасибо сказал и побежал в осиновую чащу лося добывать. А дятлы вслед за ним полетели.

Волк лося добыл. Горло ему перервал. Кровь побежала. Слетелись дятлы и начали мясо клевать. Свои белые грудки в кровь вымазали. Кровь липкая. Дождик не мог ее отмыть, а ветер — слуть. С тех пор так и остались у них грудки красными. И мясо поэтому не стали любить. Только одних червей клюют.

А волк решил искать лису в тайге. Бежит по ее следу. Кость нашел. Возле кости лисий зуб валяется. Значит, она грызла. При-

бегают на полянку. На полянке костер горит, кругом него лисы кружочком сидят, греются. Думает: как узнать, которая его обманула? Забежал в круг и хвост свой в огонь сунул.

Лисы со смеху покатались, рты разинули. Тут волк и заметил обманщицу, зуб потерявшую. Схватил ее и в клочья разорвал. Остальные убежали.

С тех пор лисы волков бояться стали.

КАК МЕДВЕДИ ЛЮДЕЙ БОЯТЬСЯ СТАЛИ

В июне медведи в стаи собираются. Тогда они смелыми бывают. За человеком гоняются.

Вот какой случай был. Возвращался охотник домой. Слышит — по его следу медведи гонятся. Приложил ухо к земле. По топоту узнал — много, должно быть. А что с одной пальмой сделаешь? К счастью, близко речка была. Забрел по пояс в воду, пальмú спрятал, а сам кричит:

— Идите по одному! Я ведь тоже один!!

И в самом деле, медведи по следу, друг за другом, бегут. Первой медведица бросилась. Он пальмú из воды вынул, размахнулся и зарубил медведицу. Спрятал опять пальмú в воду. Медведи гуськом к нему бегут. Охотник их таким же манером прикончил. Видит, на берегу еще один медведь остался. Закричал ему:

— Иди ко мне, иди или обратно беги! Да скажи всем мед-

ведям: охотники сильнее хозяина тайги!

Струсил медведь. Подумал. В тайгу повернул. Всем медведям рассказал.

С тех пор медведи за людьми не гоняются.

ЗАЙЦЫ

Зайцы человека встретили — испугались. В лес убежали. Там оленя встретили. Опять перепугались. Стороной обежали. К медведю в лапы чуть не попали. От волка еле ускакали. На горе собрались. Говорят между собой:

— Всех мы боимся. Как жить будем? Лучше утопиться...

Все согласились. Побежали к озеру топиться. Только пятки мелькают.

В это время мышь ползла. Увидела зайцев, в нору спряталась. А зайцы кричат:

— Смотрите! Нас мышь боится...

Недалеко рябчик ягоды собирал. Голос заячий услышал. На дерево взлетел.

— Эээ! И рябчик испугался,— говорят зайцы.

К озеру припрыгали. На берегу лягушка сидела. На солнышке грелась. Зайцев увидела, в воду нырнула. Заяц кричит:

— Стойте! Не мы одни боимся. Нас тоже боятся! Жить, стало быть, можно! Не будем топиться!

ХВАСТУН

Повстречался медведь с волком и спрашивает:

— Ты кого, волк, боишься?

Отвечает тот:

— Человека боюсь. А ты кого?

А медведь говорит:

— Трус ты! Чего человека бояться?! У него зубы маленькие. Летать не умеет... Дятел — тот другое дело. Как полетит, да как застучит... По всему лесу слышно! Я его страшно боюсь!!!

Волк с медведем не соглашается, спорит:

— Хорошо, медведь. Если ты людей не боишься — найди их и приведи сюда. А я дятлов наловлю.

Сговорились. Разошлись. Медведь пошел людей искать, а волк — дятлов.

Долго ли, скоро ли прошло время, только волк наловил дятлов. Медведя ждет. Подождал, подождал и разыскивать отправился. По следу побежал.

А медведь тем временем охотника встретил. Стал к нему подходить. Тот стрелу пустил. Медведя убил. Дальше пошел.

Прибегает волк к убитому и говорит:

— Не будь хвастуном! Человек умнее тебя!

ЛИСА И МЕДВЕДЬ

Лето стояло. Комаров много было. Все звери от них спасенья искали. Кто в чаще спрятался, а медведь на скалу забрался. Там ветер комаров сдувал. Поспать лег. Лиса его увидела. Кричит:

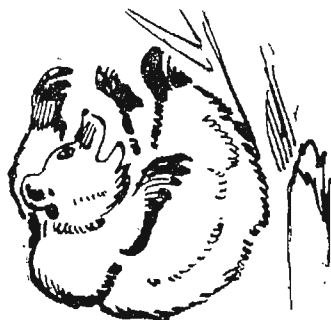
— Ой, дедушка! Упадешь... Дай я с краю лягу!

Отодвинулся медведь от края. Лисе место дал. Лиса улеглась. Захрапела, будто спит. Глядя на нее, медведь тоже заснул. Тут лиса через него прыгнула, по другую сторону легла. Полежала немного. Потом медведя в бок толкнула:

— Дедушка! Боюсь! Упаду! Подвинься...

Медведь подвинулся. А там край скалы был. Упал с нее, разбился. А лиса дальше побежала.

ЩУКА И ГЛУХАРЬ

Щука и глухарь прежде вместе в тайге жили. У щуки кости на спине не было, а глухарь без ног был.

Все звери и птицы щуки боялись. Она жить им не давала. Ела.

Собрался глухарь щуку убить. Взял лук, к ней полетел. Выстрелил. Стрела в спине у щуки застряла. Костью (позвоночником) стала.

Щука разозлилась. Лук свой схватила. Два раза в глухаря выстрелила. Стрелы в живот глухарю воткнулись. Ногами стали.

Вот увидал Оксери. Рассердился на щуку. В воду ее бросил. С тех пор в воде живет.

МЕДВЕДЬ И БУРУНДУК

Медведь пришел к бурундуку, спрашивает:
— Ты что ешь?

— Ягоды, орехи, грибы,— отвечает бурундук.

— А где хранишь?

— А как?

— В земле.

— Нору копаю. Жилье и склады отдельно: в одном орехи лежат, в другом ягоды, в третьем грибы...

— Молодец,— сказал медведь и лапой его по спине погладил. Оцарапал. С тех пор у бурундука спина полосатая, а медведь склады бурундучьи раскапывает.

ПОПОЛЗЕНЬ, ЛИСА И РЯБЧИК

Нашла птичка-поползень на дереве дупло. Свила в нем гнездышко из листьев и моха. Снесла яичек, птенчиков вывела.

Узнала об этом лиса. Захотела птенчиками полакомиться, а достать никак не может, высоко, лезть по дереву не умеет. Ходила, ходила вокруг и придумала:

— Дай, птичка, птенчика одного!

— Не дам! — отвечает птичка.

— А я на дерево залезу или дерево подпилю и всех съем...

Испугалась птичка. От лисы всего можно ожидать. Отдала лисе одного птенчика. Лиса съела его и в лес убежала.

Сидит птичка на сучке и плачет. В это время рябчик прилетел, на веточку сел и спрашивает:

— Отчего, птичка, плачешь?

— Как мне не плакать. Приходила лиса. Пригрозила, если я ей птенчика не дам, на дерево залезть или его подпилить и всех детей съест. Я испугалась и одного отдала. А теперь жалко стало...

— Эх, ты... Почему поверила? Она тебя обманула. Если во второй раз придет — ты скажи: «И на дерево тебе не залезть, и дерево не подпилить. Уходи отсюда». — Сказал и улетел.

На другой день лиса опять к птичке прибежала:

— Птичка, дай птенчика!

— Не дам!

— А я дерево подпилю или на дерево залезу и всех съем!..

— И на дерево не залезешь и дерево не подпилишь! Уходи отсюда!

— А кто тебя научил так отвечать?

— Рябчик...

— Ну, погоди...

Найду я его!

Побежала лиса по лесу рябчика искать. Рябчик в это время на

земле сидел и голубику клевал. Подобралась к нему лиса, зубами схвати-
ла, к себе в нору потащила. Рябчик видит — дела его плохи, и говорит:

— Обожди, лиса! Скушать меня успеешь. Ответь на три вопроса.

Остановилась та. Согласилась. Говорить-то не может. Рябчика держит.

Задаёт рябчик вопрос:

— А как, лиса, коровы мычат?

— Ммуу... — отвечает лиса.

— А как олени кричат?

— Ыых... ых...

— Правильно, лиса! Вот какая ты умная! Все, оказывается, знаешь!..

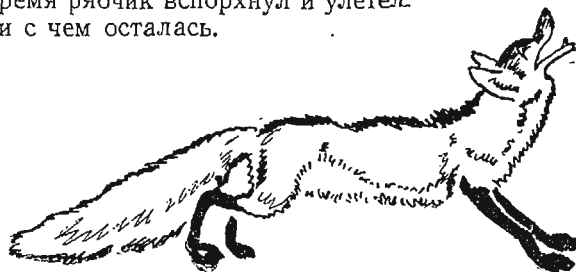
Дух от похвалы у лисы захватило.

— А теперь на последний вопрос ответь: «А как собаки лают?»

— Ам!.. Ам!..

А в это время рябчик вспорхнул и улетел.

И лиса ни с чем осталась.

ПАЛЬНИК

Прежде все птицы никуда не улетали. Тепло было. Потом холода
настали. Пришли они за советом к своей матери (сначала у них
одна мать была). Первыми гуси и утки стали ее спрашивать:

— Что делать будем? Где зимой кушать будем?

— К солнцу ближе летите. Там зимы нет. А летом сюда возвращай-
тесь, — сказала мать.

Каждую осень летают теперь гуси и утки к солнцу, а весной обрат-
но возвращаются. Слова матери крепко помнят. Не забывают.

После них пальник подошел. Весь черный. Хвост, как у глухаря;
веером. Брови черные. Просит мать:

— Отпусти, родная... Я с утками улечу.

Жалко матери сына (он у нее любимый был). Схватила его обеими
руками за хвост. Держит, а сама говорит:

— Не отпущу тебя.

— А что я кушать буду?

— Хватит еды, — ответила мать.

Заплакал пальник. Всю зиму проревел. Даже брови покраснели. С тех пор красными остались. Вырываться из рук матери стал. Хвост от этого раздвоился. И сейчас еще такой. А все-таки мать послушал. Остался. Зиму и лето в лесу живет.

РАЗГОВОР

(Ш у т к а)

Сошлись раз комар с паутом. Завели разговор.

Вот комар спрашивает паута:

— Почему по утрам не летаешь?

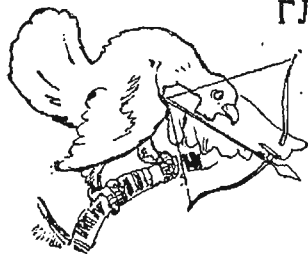
— Кафтан у меня красивый. Боюсь росой замочить.

А ты почему в жару не летаешь? — спрашивает паут.

— Жирный я. Боюсь на солнце растаять, — отвечает комар.

ГЛУХАРЬ И КАРАСЬ

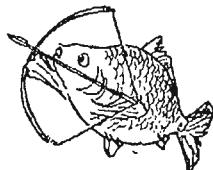

Прежде карась на поверхности озера плавал. Увидал он раз на сосне, у берега, глухаря и стал в него из лука стрелять.

А стрелять-то карась не мастер был. Все стрелы в ноги глухарю попали. С тех пор в ногах глухариных много костей стало. Это — стрелы карася.

Рассердился глухарь. Лук свой схватил. Стрелы в карася пускать начал. Хорошо попадал. По всему телу карася стрелы втыкались. Оттого с той поры у него костей много. Это — глухариные стрелы.

Перелугался карась. Лук бросил. На дно нырнул. И сейчас на дне озера под тиной живет. На поверхности не плавает. Бойся глухаря.

НАЛИМ И ЛИСА

Прибежала лиса к реке и кричит:

— Налим! Давай бегать! Кто быстрее до вершины реки добежит? Налим нос из воды показал:

— Я бегать-то не умею. Всю жизнь плаваю...

— Ладно. Стало быть, ты плыви, а я по берегу побегу.
Согласился налим. Пока лиса новое платье снимала, налим своим братьям все рассказал и спрашивает:

— Ну, готова, лиса?

— Готова! Бежим!!

Налим в воду нырнул и на месте остался. А лиса прилук обогнула, на мыс выскочила и кричит:

— Налим!

— Ой! — отвечает ей сзади налим.

Обрадовалась лиса. Еще быстрее скачет. Опять на мысу кричит:

— Налим!

— Ой! — отвечает ей налимов брат впереди, за третьим прилуком.

«Не может быть! Когда он успел?» — думает лиса. Еще ходу прибавила. Из черной шерсти искры засверкали, дым повалил (раньше лисы все черными были).

Так и не перегнала. Налимовы-то братья на всех мысах были. А лиса того не знала. Только шерсть опалилась и стала желтой.

Знай наперед: если желтую лису добудешь — та самая она.

МЕДВЕДЬ И СОБАКА

Медведь и собака пришли к человеку. Медведь просит:
— Человек, дай топор!

— А зачем он тебе?

— Избу рубить.

— А мне лук дай, — говорит собака.

Дал человек им топор и лук. Смотрит, что дальше будет.

Увидел медведь собаку с луком, испугался. Стал ее уговаривать:

— Собака, брось лук.

— А ты топор кинь...

— Ладно... брошу. Без дома лучше обойдусь... Лапами берлогу рыть буду...

— Согласна. Я и без лука тебя найду, — отвечает собака.

Понравилась человеку собака. Говорит ей:

— Оставайся у меня. Будь другом моим.

Та согласилась. С тех пор медведь в берлоге живет, а собака с человеком дружит.

ОТКУДА У ПТИЦ, РЫБ И ЗВЕРЕЙ МЯСО БЕЛОЕ ПОЯВИЛОСЬ

Говорят, сначала рыбы, птицы и звери меньше ростом были. Только один рябчик большим-пребольшим был. Все его боялись. Никто одолеть не мог. Человек только с ним справлялся.

Пришли однажды к человеку рыбы, птицы и звери на рябчика жаловаться. Кричат. Просят с рябчика белое мясо обрезать. Только сердце одно оставить. А мясо по кусочку им дать (у них такого не было).

Послушал человек. Рябчика того поймал. К дереву привязал. Мясо белое ножом по кусочкам срезал. Всем птицам на грудь по одному прилепил. Кусочки сразу приросли. Птицы от радости под облака улетели.

Потом всем рыбам к щекам тоже по кусочку приставил. Рыбы в воду нырнули. Зверям на шею положил. Кусочки тоже приросли. Звери в лес убежали. А у рябчика только сердце осталось. Оно сразу перьями обросло. В кусты спряталось.

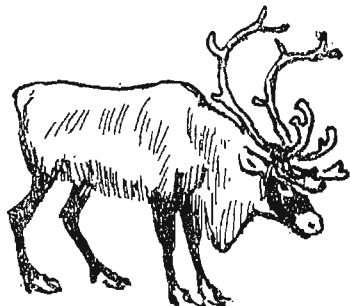
С тех пор рябчик маленьким стал.

А мясо то белое у птиц — на груди, у рыб — на щеках, у зверей — на шее и сейчас цело.

СПОР ОЛЕНЕЙ

Сначала олени все дикими были. Волки давили их. Медведи задирали. Комары кусали. Заступиться некому было. Только ноги спасали.

Собрались они однажды на горе, где ветер комаров сдувает. Спорить стали. Один олень и говорит:

— Хватит так жить. Надо к человеку идти. У него хорошо будет.

А второй отвечает:

— Нет. Человек работать заставит. Спина заболит...

— Ну, что ж. Поработать заставит — отдохнуть даст. Спи у костра. О комарах и волках не думай, — отвечает первый.

Спорили, спорили — так ни к чему не пришли. Разбежались. Дикие в лес, а те к человеку поскакали. С тех пор у него живут. Много их теперь стало. А диких меньше той половины осталось. Прогадали они.

ЗАГАДКИ

В лесу котел кипит.
Муравейник.

Кто в белой шапке в лесу стоит?
Пень зимою.

Зимой и летом одна одежда.
Елка.

Все парни поскидали кафтаны, а эти парни не могут скинуть кафтаны.
*Все деревья осенью листья сбрасывают, а елка, сосна, пихта
и кедр не сбрасывают.*

НОВЫЕ СКАЗКИ

НАЙДЕННОЕ СОЛНЦЕ

Давным-давно все люди одинаково жили. Потом к ним богачи пришли. Забрали у людей оленей и зверей. А когда брать стало нечего — солнце взяли. В море его спрятали. Наступила ночь. В темноте люди ничего не видели. В холоде мерзли. Плакали. А слезы те снежинками замерзали. На землю падали. Злая тоска на людей напала. Упали они на землю. Помирать решили. Вдруг слышат — земля гудит. Идет кто-то.

Голос раздался:

— Вставайте, люди! Нельзя помирать! Жить надо!

Встали люди. Видят — огромный человек стоит. Богатырь. Говорит он людям:

— Найдем солнце. Садитесь со мной в лодку. В море поплывем.

Сели люди в лодку. Поплыли в море. Долго гребли. На середине моря-океана остановились.

Нырнул богатырь в воду.

Долго ли, мало ли прошло времени, а только богатырь с солнцем выплыл. В небо его подбросил.

Сразу пропала ночь.

День наступил.

Снег растаял. Лес позеленел. Птицы запели.

Люди заплясали. Богачей прогнали. Жить лучше прежнего начали.

А богатырь, говорят, дальше пошел. Туда, где солнце еще не светило.

КАК БРАТЯ БОГАЧЕЙ УЗНАЛИ

Вот как это было. Жили в тайге четыре брата. С утра до вечера они охотились. А жили бедно. Неужели все люди так живут? Захотели они проведать, есть ли на свете богатые? А если есть — то что это за люди? Должно быть, добрые. Ведь у них всего много. Не помогут ли и нам богатыми стать?

Задумали по свету походить. Поискать богачей. А на всякий случай решили так: трое братьев пойдут и за собой длинный маут потянут. К концу маута колокольчик привяжут и в чуме оставят. Луки и стрелы с собой не возьмут, чтобы не подумали, что войной идут. Четвертый брат останется дома с луком и стрелами. Если у братьев по дороге несчастье будет — они за маут дернут. Колокольчик зазвенит. Тот на помощь прибежит с луком. Собрались. Пошли. Долго шли. Много речек и гор позади осталось. Все такие же бедные чумы встречались. На пятый день вышли на широкую реку. Видят — на той стороне чум стоит Заморским ковром покрыт. А вокруг него тысячи оленей бегают. Пастухи в кучи сгоняют. Так и есть — богатый живет.

Сделали плот и на ту сторону поплыли. Переплыли. К чуму пошли. Но не дошли. Собаки черные на цепях к чуму не подпускают. Зубы на них скалят, землю лапами скребут. Стоят братья, смотрят на чум. Оттуда богач вышел. Толстый-претолстый. Ноги кривые. В унтах бисерных. Глаза маленькие, черные. Из узких щелочек глядят. Волосы в косу заплетены. Вместо бороды реденький клоч волос торчит. В красный шелковый халат одет. Пискливым голосом спрашивает:

— Что вам надо, бродяги?

— Ответь нам — богач ли ты?

— Да! Я богач!

— А как ты богатым стал?

Но вместо ответа богач спустил собак с цепей. Налетели псы. Рвут парки у бедняков. А богач стоит и хохочет.

Дернул один брат за маут. Услышал звон колокольчика четвертый и на помощь побежал. Реку на берестянке переплыл. Собак и богача из лука убил. Братьев домой увел. Людям всем рассказал. Собрались люди. И пошли по тайге дармоедов искать. Всех убили. С тех пор в тайге всем жить хорошо стало.

Раньше ведь богачи мешали.

КАК САМОХОДКА ИЛИМКУ ПРОГНАЛА

Совсем недавно илимка хозяйкой на Подкаменной Тунгуске была. Грузы возила. Все люди от нее зависели. Уважение и почет ей были. Каждый год за ней ухаживали: весной конопатили да смолили, осенью на руках выносили. На берег ставили.

Возгордилась илимка: думала, всю жизнь так будет. Ан, нет. Пришла как-то еще весна. Лед пронесло. Илимка на воде у берега стояла. За грузом собиралась. Вдруг слышит — гудит кто-то. Что, думает, такое? Отродясь этого здесь не бывало. Разве зверь какой? Да что-то много людей бегут навстречу. На реку смотрят.

Видит, из-за мыса лодка огромная против течения плывет. Никто ее на бечеве не тянет. Сама идет. А людей еще больше набралось. Небось к ней-то столько не прибежало. На нее не глядят.

Рассердилась илимка. Поперек реки стала. Решила самоходку не пустить. А та рывкнула еще раз, отбросила волной илимку к берегу. Илимка хотела в ответ ее в бок толкнуть, но самоходка так ей дала, что кости затрещали, а люди над ней захохотали.

Прижалась илимка к берегу. Успокоилась. Люди на берег ее вытащили. С тех пор лежит там несмоленная.

А самоходка хозяйкой реки стала. Каждую весну зверей в тайге гудками пугает, людей веселит.

БУРУНДУК

Давно это было. Жил бурундук в дупле, в густом бору, на берегу реки Катанги. Тут же и лесное озеро было. Жил тихо, мирно. Ничто покой его не нарушало. Только щелкнет где-нибудь белка, захохочет полярная куропатка, да пройдет эвенк охотник.

Днем бурундук ягоды собирал, ночью спать в дупло забирался. Вот и осень подошла. С севера холодный ветер подул. Натаскал бурундук в гнездо шишек, моху, ягод. Спать на всю зиму завалился.

Зима прошла. Солнышко пригревать начало. Снег растаял. Весна наступила. Проснулся бурундук. Решил на волю выскочить. Голову из дупла высунул, смотрит, не узнает родного бора. Леса почти совсем нет, вместо него какие-то большие коробки на земле стоят, четырехугольными глазами на солнце блестят. А из коробок дым струйками к небу поднимается. Сидит, удивляется бурундук. Он сроду такого в тайге не видал. Видел только чумы, которые вон там, за рекой стояли.

Смотрит бурундук на озеро и тоже не узнает. В это время воды в нем много было, а сейчас ни капельки нет. Трава на его дне зеленая растет. А по той траве диковинные коровы ходят.

Смотрит и все дивится. Хочется узнать, что тут стряслось. У кого бы это спросить? Постой, вон медведь идет. Да он, пожалуй, не знает. Ведь тоже всю зиму проспал...

Тут как раз белка с другого дерева на его сосну перескочила. Дай, думает, у нее спрошу. Она ведь зиму не проспала. Все видела, что тут делалось.

— Белка, скажи, дружок, что такое случилось зимою в нашем бору?

— Большое дело, милый! Слушай меня. Вон там, помнишь, чумы стояли. Эвенки в них жили. Решили они те чумы бросить. В колхоз собрались, сюда перебрались, лес тут спилили.

— А что это они за коробки с блестящими глазами поставили?

— Это не коробки, а дома новые. И не глаза у них, а окна. В домах печи с трубами сложили. В домах нет дыма, как в чуме. Светло. Тепло.

— Интересно! — удивляется бурундук.

— А куда же вода из озера делась? — спрашивает.

— Люди прорыли канаву, воду в реку спустили, — ответила белка.

— Чем же озеро-то им помешало?

— Помешать не помешало, а теперь больше пользы приносит. Сено на том месте будут косить.

В это время возле одного дома человек в белом халате прошел.

— Смотри! Смотри, белка! Весь снег растаял, а он где-то в снегу укатался! — сказал бурундук.

Белка ответила:

— Это вовсе не снег. Это доктор в белом халате в больницу лечить больных пошел.

— А почему это все ребяташки возле того большого дома бегают?

— Это школа. Они грамоте учиться пришли.

— Страшно теперь мне тут. Надо уходить отсюда, — говорит бурундук.

— А куда же ты пойдешь? — спрашивает белка.

— Побегу по тайге. Где чумы найду — там и буду жить возле них... Там тише...

— Нет, не найти тебе теперь чумов, — отвечает белка.

Но бурундук ее не послушал и побежал по тайге чумы искать.

И по сей день ищет, а найти не может.

КАК КОЛХОЗНИК ТОПОКО РАБОТАТЬ НАУЧИЛСЯ

В нашем колхозе Топоко жил. Колхозником звался, на словах. На деле не видно было. Бывало, люди в лес на охоту, а он в чуме лежит. Говорит — охотиться не умеет.

В стадо пошлют оленей пасты, а у него ноги не ходят. Рыбачить сети дадут — руки мерзнут.

Зима и лето прошли. Осень подошла. Расчет настал. Колхозники деньги, мясо, рыбу получили, Топоко ничего не пришлось. В долг не дают. А зима подходит. Как жить, думает.

Одно осталось — работать. На охоту пошел. По лесу бродил. Рубашки не замочил. Ни одной белки не добыл. Опять ушел. До пота ходил. Белок принес. Денег много получил. Охотиться научился.

Потом в стаде оленей пас. Ног не жалел. Всех уберег. Мясо заработал. Рыбачить взялся. Руки в коколло не прятал. Рыбу добыл. Работать научился. Хорошо жить стал.

ЛЕСНОЙ ДУХ

(Б е л ь)

Стыдно как-то теперь признаваться, да уж расскажу как-нибудь. Наши русские друзья впервые тогда в тайгу прибыли. Помогать нам приехали. Дома, поселки строили. Больше с Ангары были. Я как раз в ту пору охотился между Ангарой и Катангой. Поставил

чум недалеко от дороги на Ванавару. К вечеру в чум пришел. Белок ободрал. Шкурки сушить повесил. Чаевать стал. Потом спать собрался. Вышел из чума.

На небе звезды блестят. Лиственницы от мороза трещат. Тихо всегда в такие ночи. А тут (что за диво!) петух где-то кричит. Петуха-то я, конечно, слышал на Ангаре, а тут непонятно было, откуда он взялся. Ведь что до Кежмы, то и до Ванавары, по сто верст в обе стороны.

Думаю, почудилось. Это бывает в лесу. Вернулся в чум. Лег спать. А сон, как назло, пропал. Наверное, лесной дух рассердился. Прогоняет отсюда. Дай-ка еще раз выйду.

Вышел, прислушиваюсь. Опять ясно слышу крик петуха. Неловко сказать — робость охватила. Собрал монатки и на лыжах к Ванаваре пошел. К обеду попасть успел. И что бы вы думали? Никакого лесного духа там не было! Новый продавец с семьей по дороге с Ангары ехал. Кур, петухов вез. Ближе от меня ночевал. На ночевке петух-то и распелся.

Вот тебе и лесной дух.

ЛЕСНАЯ ВЕДЬМА

(Б ы л ь)

Мне тогда лет двенадцать было. Отец купил мне ружье и впервые взял меня на охоту. В лесу мы поставили чум, потом пошли на промысел: отец по одну сторону хребта, я — по другую.

Тот год урожайный был. Скоро за поясом десять белок висело. Не хотелось возвращаться на стан. Вечер наступал, а я все брожу. Когда стало темно — к чуму направился. Иду по дну высохшего ручья, слышу: в стороне будто ребенок плачет. Прислушиваюсь. Плач хохотом сменился. Дрожь охватила. Неужели, думаю, это ведьма лесная? Чую, что крик ко мне приближается. Да. Пожалуй, ведьма! Недолго думал. Бегом припустил. Слышу — и ведьма за мной. Я быстрее. Опять прислушался. Где-то близко ведьма!

Прибегаю в чум. Отцу рассказываю. А он смеется и говорит:

— Это не ведьма, а самая настоящая летяга. Она любит по ночам бродить. Бежит за охотником и кричит на разные голоса.

Мне даже стыдно стало.

С тех пор и ведьмы стали не страшны.

КАК ДОКТОР ШАМАНА ПОБЕДИЛ

Раньше шаман людей лечил. Потом доктор приехал. Лекарства дивные привез. Белый халат надел. Лечить по-другому стал.

Рассердился шаман. К доктору пришел. Говорит:

— Зачем закон путаешь?

— Плохой твой закон. Людям не помогает,— отвечает доктор.

— Нет! Помогает!

— Докажи! Пусть звенки посмотрят...

Убежал знахарь. Людей собрал. Бабушку с больными глазами на поляну вывел. Перед народом вылечить поручился. Начал шаманить. В бубен бьет. Песни поет. Вокруг бабушки кружится. Пляшет. Три ночи шаманил. А глаза не вылечил.

Говорит доктор:

— А теперь я лечить буду.

Глаза у больной посмотрел. Три дня лекарства туда пускал. Вылечил. Та спасибо сказала. Доктор людям понравился. Стали к нему с тех пор ходить. А шаман помер со злости.

ОЛЕНЬ И САМОЛЕТ

В тайге быстроногий олень жил. Любил он хвалиться.

— Никого нет на свете быстрее меня!

Конь услышал эти слова. Подскакал к нему и говорит:

— Давай, олень, бегать!

— Хорошо,— согласился тот.— Только побежим не по дороге, а по тайге.

— Ладно,— ответил конь.

Вскачь пустились. Конь за каждую ветку цепляется. Всю спину себе поцарапал. А олень рога к спине прижал, даже кустов не задевает. Видит конь, что олень перегоняет его. Остановился и кричит:

— Стой! Согласен. Ты самый быстроногий на свете.

В это время самолет пролетал. Услышал их разговор и жужжит:

— Эй, олень! Давай состязаться! Ты по земле побежишь, а я по воздуху полечу.

Согласился тот. Все звери собрались посмотреть на них.

Олень бежит. Самолет летит. Олень первую гору перескочил, а самолет уж за дальними хребтами скрылся.

Кричат оленю звери:

— Проиграл! Проиграл! Разве сам не видишь?! — Остановился олень.

Видит — не перегнать машины... С тех пор олень и хвалиться не стал.

ПОЧЕМУ ЛЮДИ БРАТЬЯМИ И СЕСТРАМИ СЧИТАЮТСЯ

Сначала на земле людей не было. Потом из моря мужик с бабой вышли. На берегу чум поставили. Жить стали. Зима с летом прошла. Жена мальчика с девочкой родила. Дети на родителей не похожи были. Лицом белые.

Опять год прошел. Мать снова девочку с мальчиком родила. Кожа у них, как уголь, черная.

Еще зимы с летом не стало. Еще брат с сестрой родились. На тех не похожи. Лицом желтые.

Братья и сестры росли быстро. Говорить стали. Каждая пара по-разному. Друг друга не понимали.

А когда выросли — по земле разошлись. Свои дети выросли. А у всех детей опять дети пошли.

С тех пор людей много было. Лицом и речью не похожи, а все равно братья и сестры они. Мать-то у них одна была.

Богачи только не родня им. Их хатала (водяная ведьма) родила.

ЗАГАДКИ

Птица летит, в ней люди разговаривают.

Самолет.

Языка нет, не ест, не пьет, век говорит, поет.

Радио.

Я день не сплю, ночь не сплю, день и ночь хожу, хожу.

Часы.

С Л О В А Р И К
МЕСТНЫХ И ЭВЕНКИЙСКИХ СЛОВ

Сост. М. А. Сергеев

- А в а л а к а н — годовалый или двухлетний олень.
Б а й — богач.
Б а к а р и — обувь.
Б е л к о в а т ь — охотиться на белку.
Б е р е с т а — верхний слой березовой коры; из него делали разную посуду, лодки-бе-
рестянки, покрывку для летнего чума и т. д.
З а е з д о к — сооружение для лова рыбы, перегородившее реку.
З а т е с — знак на дереве, указывающий направление пути.
И л и м к а — крытая лодка.
К а м у с — шкура с ног оленя, идет на пошивку обуви, рукавиц, сумок.
К е м б е н г и — праздничная, расшитая бисером одежда.
К о к о л л о (к о к о л ь д ы) — рукавицы.
К о р о б и ц а — посуда из бересты для собирания ягод.
К у к ш а — птица.
К у м а л а н — коврик из обрезков меха.
К э д э р э — кожемалка.
М а н г и — чудовище, великан, злой дух.
М а у т — аркан для поимки оленей.
М у н а г у к а н — заяц.
Н у л ь г и — дневной переход при кочевке.
О б о й — окрик, выражающий испуг или предостережение.
О к с е р и — добрый дух.
О л и — ворон.
П а л ь м а — длинный нож с широким лезвием и острым концом, прикреплялся к длин-
ному древку.
П а л ь в и к — черный тетерев, косач.
П а р к а — одежда из меха.
П о т а (п о т к а) — берестяная или лубяная сума, обшитая кожей.
П р и л у к а — большой изгиб берега реки.
Р е к а — так эвенки называли Ангару.
Р о ж о н — деревянный вертел для поджаривания мяса или рыбы на огне костра.
С а р а н к а (с а р а н а) — растение семейства лилейных, луковицы его шли в пищу.
С е р а — местное название смолы.
С т е г н о — бедро.
С т о й б и ш е — место стоянки кочевников.

- Туес — берестяной сосуд.
Тангара — верховное существо.
Учаг — верховой олень.
Унты — обувь из меха или кожи.
Хатала — злой дух, живущий в воде.
Харги — злой дух, леший.
Чангит — разбойник, бродяга, враг.
Чина (Чинэ) — название реки; одновременно означает сросшиеся на дереве ветви.
Чум — разборное жилье кочевников, устраивалось из жердей, обтягивалось шкурами или берестой. Верх был открыт для выхода дыма от костра. Входное отверстие завешивалось шкурой или берестой.
Шаман — человек, который по старым религиозным представлениям эвенков, был избранником духов, посредником в сношениях с духами, занимался предсказаниями, знахарством и т. д.
-

СОДЕРЖАНИЕ

Эвенки и их сказки	3.
------------------------------	----

Сказки о чудесном

Аялик	7.
Как змей победили	14.
Леший	21.
Монгнон и манги	22.
Нгопутой и Петруш	24.
Черт	25.
Глухарь	27.
Золотое яичко	28.
Оли	30.
Анкулак	31.
Прыгун	33.
Бой у Чадобца	34.
Умная жена	35.
Кардаку	36.
Золото	37.
Спор	37.
Мужичок с ноготок	38.
Охотники	38.
Очереди вышли	39.
Ванавара	39.
Как русский и эвенк помощников нашли	40.
Богатыри	40.
Дюлакен	41.
Умная невеста	43.
Пастух и человек-великан	44.
Дюддыча	46.
Пастух и змея	47.
Загадки	50.

Сказки о животных

Тонгинга	53.
Как лиса купца обманула	54.
Сарапки	56.

Волк и лиса	57
Как медведи людей бояться стали	58
Зайцы	58
Хвастун	59
Лиса и медведь	60
Щука и глухарь	61
Медведь и бурундук	61
Поползень, лиса и рябчик	62
Пальник	63
Разговор (<i>Шутка</i>)	64
Глухарь и карась	64
Налим и лиса	61
Медведь и собака	65
Откуда у птиц, рыб и зверей мясо белое появилось	65
Спор оленей	67
Загадки	68

Новые сказки

Найденное солнце	71
Как братья богачей узнали	72
Как самоходка илимку прогнала	73
Бурундук	74
Как колхозник Топоко работать научился	75
Лесной дух (<i>Быль</i>)	75
Лесная ведьма (<i>Быль</i>)	76
Как доктор шамана победил	78
Олень и самолет	78
Почему люди братьями и сестрами считаются	79
Загадки	80
Словарик местных и эвенкийских слов	81